

КЧН(2=411.2)6
С69

Никон Сочихин

**Из вербной веточки
свириль**

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Къч(2=нн.2)6
С 69

Никон Сочихин

Стихи
и
проза

9001080115

0095
КР

Издательство ООО «Издательский дом Д-Принт»

Томск - 2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С69

Никон Сочихин. Из вербной веточки свирель. Стихи и проза. — Томск, изда-
тельство ООО «Издательский дом Д-Принт», 2021. — 206 с.

© Н.В. Сочихин, стихи и проза, 2021
© Издательство ООО «Издательский дом Д-Принт», оформление, 2021

**Стихи
и
проза**

Восход

Пал туман на землю,
И легла роса.
Всё село объемлют
Птичий голоса.

У плетня подсолнух
Подтянулся весь
И, увидев солнце,
Браво отдал честь.

В детском лагере

Тихо-тихо, как в разведку,
Вышло солнце из ночи.
И запрыгали по веткам,
Словно белочки, лучи.

А кукушка на опушке
Стала соло исполнять,
Чтобы детям их подушки
Было легче оставлять.

Яки и бяки

Бякают яки,
А якают бяки.
Эти смиренны,
А те — забияки.

У яков есть роги,
У бяков же — ноги.
И лучше бы им
Не встречаться в дороге.

В месяце марте...

В месяце марте, в месяце марте
Сняться деревьям зелёные сны.
В месяце марте в весёлом азарте
Мы ожидаем прихода весны.

Тают сугробы. Ослабли метели.
Дятлы по лесу рассыпали трель.
В старые парки грачи прилетели,
И самое, самое это — капель!

Весенняя музыка

На крыши звонкие сосульки
Апрель развесил, как свистульки.
Идут ребятишки, сбивают
И в эти свистульки играют.

А нам в квартирах что сидеть?
Пойдём послушать, посвистеть!

В парке

На кота рассердились сороки,
Кот забрался на тополь высокий.
Там прижался к стволу и притих,
Будто здесь он совсем не про них.

А сорокам всё это не нравится,
И хотят они с Васькой расправиться.
И зашлись стрекотаньем таким,
Что весь парк взбудоражили им.

И сороки ближайшей округи
Все слетелись на помошь подруге.
Им известно: какая беда
Ждёт их, если лишиться гнезда.

Вот, пожалуйста, кот заявился.
Вниз спускайся, пока не свалился!..
Если купола нет за спиной,
Долго будет котишко больной.

Май

Здравствуй, здравствуй, месяц май!
Своё время занимай.

Подарил тебе апрель
Из вербной веточки свирель.

Чтобы в лад свирели
Птицы громче пели:

Просыпайтесь ото сна —
На дворе у нас весна!

Сколько солнца... Сколько света.
Это радость. Счастье это.
Это — жизнь сама!

Скорей, скорей вставай с постел.
И настежь распахни окно:
Как небеса поголубели,
Какую песню птицы спели,
Как греет солнышко давно.

А сколько лужиц на дворе,
Как тополёк пушист и светел,
Прошла гроза, унялся ветер,
Мир в небесах и на земле,
Уж то-то радость детворе.

А ты всё спиши, а ты всё спиши.
Скорей, скорей вставай, малы-ыш!

Весеннее

Надела осинка
Зелёную косынку,

Пошла из ворот
Проводить хоровод.

А следом за осинкой
Дедушка с корзинкой

За сморчками, за строчками,
В шляпе, с тросточкой, с очками

Где берёзка, где сосна,
Где хозяйшкой — весна-а-а!

Рабочая семья

Лишь будильник звон заводит,
Все встают. Встаю и я.
И, позавтракав, уходит
На работу вся семья.

Папа — токарь на заводе.
Мама — доктор у ребят.
Ну а мне четвёртый годик,
И хожу я в детский сад.

Манная каша

Люблю я кашку манную,
Она — на молоке.
Вот я сижу за столиком
И с ложкою в руке.

А кашка на тарелочке
Почти до ободка,
И жаль, что уменьшается
От каждого глотка.

Сосед глядит и морщится
В большой-большой тоске...
Как можно не любить её,
Она ж на молоке!

Не плачь, малыш...

Не плачь, малыш, а то и я заплачу,
И станет нашей маме тяжело.
Ты улыбнись, и станет всё иначе,
И станет в нашей комнатке светло.

Не надо огорчать нам мамы нашей,
Ведь мы с тобой мужчины — ого-го!
Давай-ка поедим немного каши,
Её сварила мама для того.

А если будешь кукситься упрямо,
Я кашу есть не стану, так и знай.
И выскажу решительно и прямо
Тебе своё мужское: «Ай-яй-яй!

Как нехорошо!».

«Берёзка»

В нашем садике «Берёзка»
Под окном растёт берёзка.

Зимой она — приют снежинок.
Весной она — приют дождинок.

Летом птицы гнёзда выют,
И щебечут, и поют...

И поэтому у нас
Самый тихий «тихий час».

В нашей спальне всё в порядке,
Все заправлены кроватки,
Все подушки на местах,
Даже тётя воспитатель,
Как вошла, сказала: «Ах!

До чего же мне приятно
От души признаться вам,
Всё красиво, всё опрятно.
Неужели каждый сам?».

«Я сам!»
«Я сам!»
«Я сам!»
.....

«И я сам!»

«Вы у меня сегодня, дети,
просто молодцы!».

Кто печёт для нас блины
Вот такой ширины,
Вот такой вкусниной,
С мёдом да с вареньем,
Прямо объеденье.
А ещё оладушки?
Это — наши бабушки!

Дождик

Стоит щенок у моих ног,
Весь-весь до хвостика промок.

И я стою и не бегу,
Как будто мы на берегу

Под дождичек попались
И... просто искупались.

Счастливый мальчик

Мальчик ножкою стучит,
Мальчик с пальчик, а кричит.

Если он такой криклиwyй —
Значит, он такой счастливый.

Потому ему кричится —
Хочет с кем-то поделиться...

Подходите, не молчите
Вместе с ним и покричите.

Голубок и котик

Ходит сизый голубок
Утром по дорожке,
Собирает он в зобок
Семена и крошки.

А сквозь щёлку из дверей
Наблюдает котик.
Полон ох каких гвоздей
Его славный ротик.

Не ходи ты, не ходи,
Милый, по дорожке,
Потому что впереди
Всё коты да кошки.

Лужи

Взрослые не любят лужи,
Они для них морозов хуже.

Не то что наши малыши –
Они им рады от души.

Их тянет к ним неодолимо,
Что удержаться нестерпимо.

Когда в них даже облака
Купают белые бока.

И солнце, рыбкой обратясь,
Лежит на дне их как карась.

Им хочется наперебой
Пройтись по той, по той, по той.

Пройтись по всем, по всем по ним,
Замечательным таким.

.....
И этих ребят понимаю отлично я,
Ведь каждая лужа от других отличная!

Соседи

Под крышей над окошком
Воробышек живёт,
Он раньше всех ложится
И раньше всех встаёт.

Вот он присел на ветку
И песенку запел –
И в комнатке котёнок
Спать сразу расхотел.

Из будки показался
Сердитый чей-то нос.
Чур! Чур, драчун!
Молчун! Ворчун!
Ведь ты же славный пёс!

А вот шагает в школу
С портфелем малышок.
И выше он портфеля
Буквально на вершок.

Как зовут воробышка?
Чив! Чив! Чив!
Как зовут котёночка?
Кис! Кис! Кис!
Как зовут собачку?
Дик! Дик! Дик!
А как зовут мальчика?
Ко-о-ля!

Это я!

Ночное

За селом на лугах
Много молочая.
Лознячина в руках –
Сабля что Чапая.

Наша конница ребят
В жарких битвах смелая,
Мы гоняем телят,
Чуть не утро целое.

Разогнав по кустам
Армии телячьи,
Мы бежим к берегам,
Радуясь удачи.

Мы сидеть не хотим,
Нам давай свободу!
Вверх тормашками летим
Голышами в воду.

Пока солнце высоко,
Царство нам речное.
Чуть дохнёт вечерком,
Мы уже – в ночное.
Из ворот, из окон
Мамки да сестрёнки.
Эх, несись ты, мой конь,
С ветром вперегонки.

И до самой до зари,
Пока солнце встанет
Всё горит костёр, горит
В нашем тихом стане.

Утром с первыми лучами,
С шумом, гиком, весело
Летим – рубашки парусами,
Вдали родимое село.

Пилю сосновую доску
И погружаюся в тоску
По деревне, по леску.

Где прохлада –
В полдень надо.
Озерцо –
Умой лицо.

А взгляни-ка,
Земляника
И сочна,
И яснолика.

И черника,
И грибы, –
Наклонялись
Только бы.

Мы на травке
У тропинки
Полежим
Рядком на спинке.

На пригорке
Посидим,
За облаками
Последим.

Вынем хлебца
Из карманов,
На всех разделим
Без обманов.

Так тропинкою лесной
Мои друзья идут со мной.

Нам по десять с небольшим,
И никуда мы не спешим.

Ах, смолистая доска –
По родным местам тоска.

Осенние стихи

В красное и жёлтое
Лес весь разодет.
По лугам с метёлкою
Бродит ветер-дед.

Бродит, что-то буркает
Про себя в усы.
Прячет он под буркою
Верные часы.

Ждёт, когда прокукает
Его условный час,
Тогда, простясь со скукою,
Метёлке дать приказ:

– Пришла пора теперичи,
Метёлочка, а ну,
С лесов все до копеечки
Сбери в мою казну!-

Но за день утомиться он
По-старчески успел.
Вот на пенёк садится он
И трубкой засипел.

Прикрыл глаза усталые
И на какой-то срок
Пришли года бывалые,
Он – юный ветерок.

В рубашечке голубенькой,
С наборным пояском
Идёт от счастья глупенький
Берёзовым леском.

А воздух пахнет мятою.
А небо-синева.
Зелёными щенятами
У его ног трава.

Уж солнце опускалось
Спать в копны на лугах,
И трубке задремалось
В его седых усах.

Из-под ресниц на бороду
Скатилась слеза
Припомнил деда молодость,
Припомнил и сказал:

– Не буду вас я трогать
Ещё денёк-другой.
И прежнею дорогой
Побрёл к себе домой.

Позевота

Всех, у кого есть рот,
Позевота берёт в оборот.

Зевают собаки и кошки.
Зевают бабушки в окошке.

Зевают коровы и лошади,
Когда в настроение хорошем.

И даже поросыта
Зевают, как ребята.

А как зевают птицы,
Не буду хвалиться.

Ни голубя, ни воробья
Зевающих не видел я.

И курицы, и петухи
Не знают этой чепухи.

Им просто некогда зевать,
Им надо клевать, клевать, клевать...

А кто зевает,
Тот воду хлебает!

Так тоже бывает.

Ёлочка

Это кто такой хороший,
На волшебника похожий,
Нашу ёлочку зелёную
Нарядил в обновку новую

В шубку белую пушистую,
В шапку мягкую ушистую.

Шарф связал и рукавицы,
Как для маленькой сестрицы.

А ещё скатал пимы?..
То подарки от – зимы.

И такая вот нарядная
Стала просто ненаглядная

Наша ёлочка.

Зимнее утро

В далях перламутра
Пробудилось утро.

Зимнее, морозное,
И совсем не грозное.

Вот вспорхнули снегири,
Словно искорки зари.

На рябинку сели,
Сели и запели:

– Просыпайтесь поскорей,
Поднимайтесь веселей,

Взрослые и детвора,
Утро! Завтракать пора!

Предновогоднее

Звёзды в небе ярко блещут,
От мороза все трепещут.
Кто бы ни вышел на мороз,
Он хвать-похвать того за нос.

При такой как раз погоде
И мечтать о Новом году!

Речка Бурундук

Все озёра и все реки
Уж свои сомкнули веки,
Только речка Бурундук
Припозднилась от подруг.

Вот как справлю Новый год,
И начну её обход.

Подойду к ней: Тук! Тук! Тук!
Здравствуй, речка Бурундук!
Как твои карасики
Отмечают праздники?

Я пришёл к вам не с крючком,
Не с обманным червячком.
Я пришёл к вам, как товарищ,
Вот лежу на льду ничком.

И сквозь лёд, как сквозь кристалл,
Мне подлёдный мир предстал.

Вот проплыли пузырьки
Целой стайкой, как мальки.
Им волна принес поток
И травинку, и листок.

Вот со дна поднялась рыбка
И скорей обратно вниз.
Её промельк, как улыбка,
Как восторг и как каприз.

Я стремлюсь необычайно
Глянуть вглубь, но там – всё тайна.
Может быть, карасикам
Сегодня не до праздников?..

Всё равно.

Будь вода Бурундука
Им, как мёд, сладка-сладка.

А пока,
Пока-пока!

Начало года

Январь. Мороз. Начало года.
В снегах пуховых спит природа,
Совсем, как малое дитя,
Под щёку руки покладя.

За городом лесок сосновый
Весь в куржаке, как в шубке новой.
Бежит воскресная лыжня,
Морозной свежестью дразня...

И манит за собой меня.

Февраль снега протёр на тёрке
И холодам подвёл черту.
Я в старом парке возле горки
Тебя впервые в жизни жду.

В той шубке, памятной до боли,
Пришла ты мной повелевать.
И я послушно, как невольник,
Готов приказы исполнять.

И вот, смешной и оробелый –
Ни жив, ни мёртв – иду с тобой...
А снег валит! Он белый-белый...
Он белый – прямо голубой!

И он дышал таким покоем,
И мне казалось в этот час
На всей земле лишь мы с тобою,
И нет других счастливей нас.

О тот щемящий миг разлуки,
Когда хотелось помереть,
Держа в ладонях эти руки
И ни о чём не сожалеть.

Видно так повелось уж исстари,
В человечий войдя обиход,
Мы желаем друг другу искренне
Всего лучшего в Новый год.

Чтоб улыбчивым было небо,
Чтоб не ссорились люди Земли,
Чтоб хватало тепла и хлеба,
Хорошо бы ещё – любви.

И чтоб дети не знали сиротства,
И чтоб старость была свята,
И чтоб были в цене благородство,
Добродетели и простота.

И, однако, сегодня только –
Я желаю всего сильней,
Чтобы в каждой семье была ёлка
И горели б огни на ней.

С песнями и смехами
По дороге ехали
На машине «жигули»
Ой, дид-ладо! Ой, лю-ли!

Справа поле. Слева поле.
А вдали синеет лес.
И ликуем поневоле
За отеческий прогресс.

Вот под толк и перекрики
Разгрузили короба.
А тайга-т от голубики
А голуба-то, голуба...

И до самого рассвета,
Как живая, наяву
Голубика сниться эта –
Ем и рву, и рву, и рву.

Таёжный ручей

Пожухла небес синева,
С дерев облетела листва.
Шумят невозможные ветры,
И стынут пространств километры,

Хоть звери давно и зверушки
Кто в норке уже, кто в норушке.
А всё ж не идёт из ума:
Какой она будет – зима?

И только таёжный ручей
Не слышит тревожных речей.
Он звонкую песню поёт,
И мчится вперёд и вперёд.

Когда мне стало плохо,
И лечь пришлось в кровать,
Все в доме стали охать,
Шептаться и вздыхать.

И загрустил вдруг папа,
И загрустила мама,
Сестрёнка загрустила,
И сам я приуныл.

Но вот пришёл к нам доктор
С игрушкой на шнурке,
И мне оставил что-то
В красивом пузырьке.

И я по чайной ложке
Три раза в день попил,
И снова встал на ножки,
И боли все забыл.

И улыбнулся папа,
И улыбнулась мама,
Сестрёнка засмеялась,
И мне самому стало очень и очень весело!

Нипочём не отгадать мне масти
Лошадей – каурки и гнедки,
А когда-то ведь по этой части
Были мы большие знатоки.

В нашем Усть-Чижапском
детском доме
Было их, пожалуй, пони кроме.
Знали их по масти и по кличке,
По повадке, норову, привычке...

Если бы я мог узнать заранее,
Я бы сохранил все те познания.
А теперь мне каждая лошадка,
Словно не раскрытая тетрадка.

Где ещё ни буковки, ни точки,
Ни единой мало-мальской строчки,
Да и что в ней будет – неизвестно,
А узнать об этом интересно!

Юлии

Отпуск у Юли
В начале июля.

Хорошее время!

Она поедет к речке,
Скорей всего, что – к морю,
Где волны, как овечки...
Барашки!
Я не спорю.

И тама аки-паки
Влюбиться в Сиртаки,
А также в Чунга-Чанга,
Но только – как гречанка.

Чтоб после как вернуться,
Могу вообразить!
Нам эдак улыбнуться –
И сразу всех сразить.

С добрым утром, бабушки.
С добрым утром, дедушки.
Поиграл бы в ладушки,
Да вот время – нетушки.

И у вас, наверное,
Настроенье скверное,
Хоть скреби по темени,
Всё в прошедшем времени.

Эх ты, старость, старость,
У тебя осталось
От всех вер немного –
Только вера в Бога.

Плачет Маша,
Нос раскис.
Мяу-Мяу,
Кис-кис-кис!

Ты куда ушёл,
Коток?
Ни в кино,
Ни на каток.

Ни на выставку
В музей.
Ни в салон –
Завить узей,
то есть усы

Может ты
Недалеко.
Видишь, как нам
Нелегко.

И на все для Маши
Сказки
Не смыкает Маша
Глазки.

Приходи скорей
Домой –
Нашу Машу
Успокой.

Спой ей песенку
Свою –
Баю-баюшки-Баю!

Машенька!

Ляг удобней на бочок
И глазоньки закрой.
А вот и Вася, котик наш,
Я, мур – мур, с тобой.

Сентябрьский ветер

Грустные мысли наводит сентябрьский ветер.
Листья берёз заоконных, как бабочки, в окна летят.
Вижу опять: огонёк наш детдомовский светит,
И возле лампы склонились затылки ребят.

Лучший чтец нам читает «Это было под Ровно»
Как партизаны отважно захватчикам жар задают.
Громко бьются сердца, и мы дышим не ровно,
И богатырские тени на стенах встают.

Всё проходит... и вот, уж никто в эти «сказки» не верит,
Ну, не верят и ладно, подумаешь: эка беда?
Вот уйдём мы, за нами захлопнутся двери,
И не будет в России товарищей, будут все – господа.

Ручейки весенние

Прилетели к нам скворцы
И с собою, сорванцы,
Привели весенний ветер,
Как лошадку под уздцы.

Встрепенулися ручьи:
Чьи вы? Чьи вы? Чьи вы? Чьи?
Ничего не понимают,
И ложатся спать к ночи.

Отоспятся. Отойдут.
Утром дальше побегут
Прямо к речке. И с рекой
Добегут к волне морской.

Там волыются в океан,
И до самых дальних стран.
Все преграды обойдут,
Но привет передадут
От нас.

Выпускное

Было небо синее,
Были мы красивые,
Весело и молodo
Шли себе по городу.

Говорили кто о чём,
И смеялись ни о чём.
Все экзамены сданы,
Все зачеты учтены.

Вот диплом – экзамен трудный,
На груди значок нагрудный.

Впереди работа –
Главная забота.
Солнце светит ясно
Все кругом прекрасно.

Альма-Матер, дорогая,
Ты для нас навек святая.

.....

Что ни достигнем! Кем мы ни станем! –
Быть благодарными мы не устанем.

Просыпаюсь в лесной избушке
Под голос веющей кукушки.

Ах, кукушечка-кукушка,
Нагадай мне много лет.
Расскажи, моя подружка,
Буду счастлив или нет?

А кукушка-хочотушка
Подала лишь голосок,
И скорее за лесок
Полетела-полетела
Не моё, мол, это дело.

Сам, как хочешь, понимай,
Ведь сегодня месяц-май!

Сторона родная,
Уголок России,
Где ещё, не знаю,
В далях столько сини.

Даже безызвестный
Бочажок – озерце
Обнял, как невесту,
И держал б у сердца.

Тучка

Вышла тучка из-за леса
Очень странного замеса...
Хоть бы кустик при дороге,
Хоть бы стог.

Как взглянула на меня,
Вот так-так, – подумал я,
И тот час почти до ниточки
Промок.

Люблю любое время года,
Такая, видимо, порода.

Люблю зимой игру снежинок.
Люблю весной напев дождинок.

Люблю цветущий летний луг.
Люблю осенний гулкий звук.

Люблю, как русский человек,
И жар и хлад. И дождь и снег.

И, может, это потому
Я рад всему.

Ветер провода перебирает,
Словно струны голубой гитары,
То слегка коснётся, замирая,
То вздохнёт и яростно ударит.

Я в дороге, я опять в дороге,
И покоя мне ничуть не жаль,
Я люблю глазами трогать
Всегда волнующую даль.

Пусть споткнусь я,
Пусть мне станет больно,
И слеза застелет мне глаза,
Но в душе нет места слабоволью,
Выйдя в путь, не поверну назад.

И только ветер, только добрый ветер
Мне по памяти сыграет что-нибудь –
Это от тебя мне передаст привет он
И пожеланье: «Добрый путь!»

Наша Маша что-то плачет,
Это «что-то» что-то значит,
Это значит, что она
Комаром уязвлена.

Как, комарик, ты посмел?
Видно, очень храбр и смел.
Но имей себе ввиду –
Попадёшь у нас в беду.

Пристыдили...

И опять
По аллейке шлёпаем.
Будешь снова приставать,
Мы тебя отшлёпаем.

Нравы

Небо дарит нам подарки
Ото всех щедрот природы –
Если день сегодня жаркий,
Жди назавтра непогоды.

Нрав людской хитер и крут.
Зазеваешься – сотрут...
А может, в том и славное,
Что не в этом главное.

Елене

Ах, что не говорите,
Но в мире почему-то
Всё множество открытий
Посвящены кому-то.

И я их понимаю...
И в этот самый час,
Когда стихи слагаю,
Я думаю о Вас.

Отпуск

Среди множества людского
Не во сне, а наяву
Мимо берега морского
«По-морскому» я плыву.

А вода-то, что панбархат,
Как сказала бы сестра.
Как тут радостно не ахнуть
Как не крикнуть тут: Ура-а-а!

Отпуск.
Дивная пора!

Шутка

Мы с тобой два гения,
Нам с тобой – Ура!
Мы оба, как поления
Из одного костра.

Пусть даже наши рифмы
Корявые, как рифы,
Мы всем на удивление,
Как к горе – гора.

В минуты мутных мыслей

Хочу слугой народа стать.
Хочу утешить свою стать.
Как только стать свою утешу,
Я прежнюю в углу повешу...

Не возбраняется ж мечтать.
Или вообще задвину куда-нибудь
Подальше.

Пришла беда,
Открывай ворота.
Принимай гостей
От всех волостей...

И вот забота –
Чинить ворота.

Привет поэтам
На свете этом,
А на том
Скажу потом.

Только вы не разбегайтесь,
А то, я знаю вас,
Чуть что и – раз...

Новый холмик за холмом.

Моление русского народа народам цивилизованных стран

– Купите нас. Купите нас,
Мы всем народом просим вас.
Или возьмите в аренду
За самую малую ренту.

Лет этак на сорок на девять,
А то мы не знаем что делать...
Или уж сразу на сто лет.
Купите. Возьмите. Чего вам стоит?

Ведь просим мы самую малость,
Или в вас от Рюрика
Совсем никого не осталось?

P. S.:

*Где-то прочитал, что Дональд Трамп, президент
США – дальний потомок Рюрика, если и так, то я,
согласно писанию, потомок самого Адама.
Ну и что?!*

Не могу расстаться с прошлым,
Как с хорошим, так и с пошлым.
Они во мне. Они вокруг,
Как будто я их лучший друг.

Себя ругаю и ругаю,
Подобно попке-попугаю:
Дурак-дурак. Дурак-дурак.
И понимаю – это так.

Ну что ж!

Земная жизнь не получилась.
Сам допустил, что так случилось.
Положусь на небеса...
Надо ж верить в чудеса!

Щегол

Щегол уже не пел давно,
И наконец решила детка –
Весенним утром за окно
Повесила стальную клетку.

И он запел. Поёт, поёт
Свободы и полей племянник,
Что где-то есть, что он цветёт
Большой, пахучий конопляник.

Ах, если б дверцу приоткрыть,
Он бы нашёл к нему дорогу
И не престал б о вас молить
Свою песней перед Богом.

Шли люди, всяк в своей красе,
Лиши только я стоял и слушал...
Ну почему даны нам всем
Такие маленькие уши!?
И жёсткие сердца!

P. S.:

Давно не слышал я и не видел ни щеглов, ни чечёток, ни репелов, ни других, зимующих у нас певчих птиц, потому что их уничтожают конопляники, а ведь семена конопли – их основная пища в зимнюю бескормицу.

*Представим, если некоторые наши недобросовестные сограждане вдруг научатся гнать какую-нибудь гадость из берёз?
Что тогда!?*

Полустанки

Полустанки. Полустанки –
Бывшей Родины останки.
Из вагона поезда
Даже видеть боязно

От станции до станции
Безмолвные дистанции
Ни людей, ни ребятишек,
А не токмо их излишек.

Поля давно не сеяны
Их пахари рассеяны.
Ой, беда, беда, беда
Разбежались кто куда.

Разбежались. Разлетелись.
Расползлись.
А чего тут, в самом деле,
Злись не злись

Всё за них решили где-то
Наверху
Не дано им знать про это –
Кто есть Ху!

Что ещё должно случиться,
Разве можно поручиться?
Всё возможно. Всё возможно.
Этот вид понять не сложно.

И по брошенным просторам
Взгляд скользит немым укором...

Вдруг оживил картину ту
Бычок, привязанный к шесту,
Жующий, видно, лист капустный,
И тот какой-то грустный-грустный.

P. S.:
Тут загрустит и не только бычок!

Зов цветов

Сомненья грудь
Сдавили, пусть
Я вышел в путь
Развеять грусть.

Сто бед и зол
Пройти готов,
И вдаль пошёл
На зов цветов.

Иди, поэт,
Иди сюда,
Увидишь, нет,
Ещё когда.

Такой простор,
Такой узор
Где каждый лист
Ласкает взор.

И я иду
И счастья жду,
Вдруг будет весть –
Тут я и есть.

Идеал жизни

На душе моей отрада
Встал с ноги, с которой надо.

Моюсь, бреюсь,
На что-то надеюсь.

После чая с бутербродом
Выхожу шагать с народом.

Левой-правой. Левой-правой
Мы идём походкой бравой.

Верхом-низом. Верхом-низом.
Пряником в капитализм.

Он теперь у нас в стране
Всё равно, что свет в окне.

С ним ложимся, с ним встаём,
С ним и плачем и поём.

С ним такая благодать –
И купить что и продать.

Вот и стал владетель сей
Идеалом жизни всей.

Но как всякий идеал,
Быть им попросту устал.

P. S.:

*Непременно устанет.
И споёт народ ему,
Справедливо по всему:
Good bye, наш кап,* Good bye!
Откуда взялся туда и ступай.*

* капитализм

Украина – це Європа

Украина – це Європа. Украина – це Європа.
Мы в Європу пидем скопом.

И как только НАТО
Станет нашим тато,
Вот уж мы тогда-то
Заживем богато.

А то эти москали
Сало все уволокли,
И сожрали, хады,
От того и рады.

Так без його в том ЕС
Пропадёт к нам интерес,
И куда тогда мы,
Господа и дамы?

Тьфу...
Кажу по мове –
Пани и панове!

Одуванчики наш город украшают,
А градоначальство раздражают.
Как они посмели расцвести
Срочно их под корень извести.
Тут мы добываем нефть и газ
И они мешают нам как раз.
И привозят с юга косарей
С ними посчитаться поскорей.
Косари напористы и ловки –
Покатились жёлтые головки.
Город был красивый и нарядный,
Стал какой-то серый, неприглядный
Даже дети не поймут никак,
Чем они (одуванчики) достали дядей так?

Возрастное

Люди с возрастом хужеют,
И помыслы их о прекрасном ужеют
Тут думай не думай, а годы идут
На нас они сети незримые ткут.

И в них утопает народ безутешный...
Не вы! Не вы! Но я, аз грешный.

Если был я поумней,
Я бы жил чуть-чуть иначе.
А теперь, скорбя и плача,
Я влачу остаток дней.

Я секретов не нарушу,
Не открою важных тем –
Не распахивайте душу
А бы было перед кем.

Дабы злу вас не осилить,
Помолитесь на осины,
На берёзы же, а там...
Да сходите лучше в храм.

И надёжней и верней,
И счастливых многих дней!

Когда я учился в школе (это 50-ые годы 20-го столетия),
я был кучеряв и розов.

Возле нашей школы у парадного входа
стоял на постаменте памятник мальчику в полный рост,
и это был Павлик Морозов.

Прошли годы, пролетели они, прожужжали.
Сменилось столетие. Изменилась страна,
а с ней и её скрижали.

И я в свою очередь стал не кучеряв и не розов.
Всё же решил посмотреть: как он там Павлик Морозов.
Приехал. Прошёлся у здания школы
в душевном волнении, а что если здесь
я уже позабыт и не свой.

И вижу: наш Павлик Морозов вдруг
сам по себе стал Олег Кошевой.

– Что делает время! – я тяжко и тяжко вздыхаю.

Всё в этой жизни возможно, и я эту жизнь понимаю.

P. S.:

Хотя бы. Хотя бы, их рядом поставили, что ли?

А в прочем, давно-предавно я не учусь в этой школе.

Страна Россия

Страна Россия – купи-продай!
Страна Россия – возьми-подай!
Страна Россия – сие кто рек?
Страна Россия – я, человек!

Страна Россия – хотел бы знать,
Чем она дышит, родная, «знать»?
Она, родная, воссев в Кремле,
Забыла тут же, что на земле
Её Отечества

Умирает язык.
Вымирает народ.
Хоть зайдёшься на крик –
Неизменен исход.

Дело, видится, дрянь.
Нет, постой, не шути...
Неужели и впрямь
Нет иного пути!?

Был я молод. Надежды кипели.
Был я горы готов своротить.
А теперь вот плетусь еле-еле,
Но с пути не могу своротить,
То бишь, свернуть.

Вот такая случилась штуковина
Ерунда. Ерунда. Ерундовина.
И к чему теперь ахоньки-охоньки,
Мои горы, как прежде, – целёхоньки.

Листья осенние

Кружатся листья осенние,
Как рой потревоженных ос,
Будто я гнёзда осинные,
Идя, невзначай потрёс.

*Надо бы сказать потряс,
но ничего, не слишком уж...*

Только они не жалятся,
И, может быть, мне одному
По-детски на что-то жалуются,
Вот только на что – не пойму.

Перестройка

Тружусь, как землеройка,
Обеими – двумя...
Но, снова перестройка,
И вновь без норки я.

И что бы я ни делал,
За мной какой-то демон
Глядит и день и ночь,
А нет, чтобы помочь.

Да куда там!

Каждый, забежавший на Север
С рюкзаком,
Мнит себя по крайней мере
Ермаком.

Чтоб в карман – зарплата,
И на грудь – медаль
А зачем срываться
В этакую даль.

И в таком вот плане
«Шпарит» впереди.
Заимел в кармане,
Есть и на груди.

Совестью не мучась,
Бронь «заколотил»
Так, на всякий случай
Обеспечить тыл.

И в таком вот плане
Шпарит впереди.
Заимел в кармане,
Есть и на груди.

Что им всем природа,
Что им всем зверьё,
Ведь они - порода,
Эха, ё-моё!..

Вы таких видали,
Их довольно густо,
На груди – медали,
А в груди-то – пусто!

Родина родная –
Чудо из чудес,
Где края без края
Без лесины лес.

В здоровенном зданье
Полный непокой –
Каждый житель занят
Лишь самим собой.

Смехачи – смеются,
Трубачи – трубят,
Пешие – плетутся,
Едоки – едят.

А чему дивиться,
Все своё нашли,
Ведь, как говорится,
Мы к тому и шли.

Экономические форумы в С-П

Приходите нами править,
Те, кто слева, те, кто справа,
Те, кто сверху, те, кто снизу,
Нам пора поставить лизму.

Слабеет Русь. Смуглееет Русь.
Сказать что станет –
Не берусь!

Товарищи!
Налегай на щи,
На компот и кашу,
Мать вашу!

А кто в них роется,
Выходи строится.

Почему живу я плохо?!
Виновата не эпоха.
Не Чубайс и не Борис,*
Хоть ты насмерть заборись.

Виноват я сам, однако,
Что такая вот бабака
Что не принц, не жительмен,
А простой российский men.

Фу-ты ну-ты, как же так,
Оказался я – дурак?!..
Нет, ты им не оказался,
Ты им был. Теперь – остался.

* Анатолий Чубайс и Борис Ельцин – ярые разрушители советского государства.

Подготовка к выпускным

...А солнце тянется всё выше
И льёт свой свет во все концы.
Как хорошо лежать на крыше
И слушать как поют скворцы.

Они в таких краях бывали,
Они таких певцов слыхали,
Что воробыи всея двора
Сидят молчком, как школьара.

Но и у них на счёт гостей
Есть кое-что из новостей.
Поют, минутку улучив,
- Чив-чив! Чив-чив!
- Чив-чив! Чив-чив!

Колечко

Колечко, колечко,
Успокой сердечко,
Покатись по кругу
Выбери подругу.

Пусть знает вся округа,
И все кто есть вокруг:
Она – моя супруга,
А я – её супруг.

Вот так!

Кураж

Везут народного туга,
Серена ржёт, как гармоза,
Пьяненького ухаря,
Что исходит – Ух! – оря.

«Разойдись, да расступись,
Никого не знаю,
Лучше в ноги поклонись,
Вот тогда сыграю!..»

Что тут скажешь?

Что мне сказать про него –
Благодетеля моего?

Мой благодетель речист,
Мой благодетель плечист,
Мой благодетель
О ближних радетель,
Он, может, и на руку чист.

3

Дорожное

Ну что, дорогой, коль сумеем
Приимем привет и ответ
О том, что имеем – немеем,
Теперь поглядим: чего нет.

Нет горя большого, чтоб плакать,
Нет радости, чтобы визжать.
Однако. Однако. Однако.
Пора нам с тобой уезжать.

Поедем. И будет что будет.
Чего ожидаем мы тут?
Уедем. Нас здесь позабудут.
Приедем. А там нас не ждут.

Романс

Боже мой! Боже мой! Боже мой!
Что же это случилось со мной?
Будто лёгкий туман
Приоткрыл вдруг экран –
Что-то близкое жизни самой.

Вот и вспомнились годы былые –
Голубые глаза, голубые.
И сказали они
Про счастливые дни,
Про ушедшие дни золотые.

Что же сердце так бьётся, так бьётся –
Это всё, что ему остаётся.
Что не нужно о том
Оставлять на потом,
Что потом никогда не вернётся.

Россия начало XXI века

Как мы жили-выживали,
Объяснят уж нам едва ли.

Кто все эти - богачи?
А эти кто, хоть плач-кричи?

Мы по душевной простоте
Простили всем деянье те.

Ныне всё же что-то есть,
Что попить и что поесть.

Что надеть, и что обуть...
Может, станется, мабудь.

Где он? Где он, светлый путь?

Отождествлять поэзию со стихами –
все равно, что сравнивать Венеру Милосскую
с девушкой с веслом,
Вроде бы, обе девы –
и эта, и та, а вот поди ж ты!..

ПРОЗА

Лечебная книга

Сказка

Нашу сказку мы начнём, как начинали в старину рассказывать сказки наши пра-прабабушки и пра-прадедушки. То есть: в некотором царстве, в некотором государстве жил был...

Так вот: В некотором царстве, в некотором государстве жил был царь со своей прекрасной царицей и было у них пятеро – 5 (!) сыновей. Все они были высокие, стройные, красивые, с высшим образованием и без вредных привычек.

Тот царь был хорошим царем. Он ни с кем не воевал, и с ним не воевал никто. Со всеми соседями он жил дружно. И все соседи жили с ним дружно. И все его подданные гордились, что у них такой умный, справедливый и добрый царь. Как все цари, с которыми он был знаком, наш царь любил охоту, балы, иногда и пиры (по праздникам), а вечерами просто посидеть у телевизора в кругу своей семьи.

Но вот как-то все его приближённые и даже простые подданные стали замечать, что с их государем (царём батюшкой) происходит что-то не совсем ладное: поедет ли он на охоту, удачная охота, а вот нет на лице его прежнего восхищения, хотя и старается не подать вида, а от людей-то не скроешь.

Ни балы, ни пиры, ни соревнования (тогда их называли турниры) не давали должного результата. И приближённые царя-батюшки решили найти хоть в своём царстве, хоть в каком другом, самого мудрого-премудрого мудреца, какого ещё только можно было отыскать в то время. Они просмотрели все предложения по каналам телевидения, все смартфоны и всевозможные фоны, куда только можно было войти и заглянуть.

Многие вызывались помочь царю-батюшке, но просили такую плату, что невольно создавало подозрения об их возможностях.

А тот, кто был нужен, отыскался сам. Он пришёл во дворец и сказал приближённым, что готов помочь царю-батюшке и совершенно бесплатно. Приближённые были немало удивлены, что

мудрец, человек уже не молодой и довольно нуждающийся, готов помочь самому царю, не спрашивая за это абсолютно никакой платы.

Всё же они провели мудреца в кабинет царя, и стали ждать, что будет! Мудрец тихо поклонился царю и попросил разрешения осмотреть его. Царь согласился. Надо сказать, что кабинет царя был просторным и светлым, ничего лишнего ни на стенах, ни на столе не было. Все царские отличия находились в особой комнате и под охраной (на всякий случай), как того требуют правила.

Мудрец возложил руки на голову царя, посмотрел в глаза, потрогал мочки ушей, попросил открыть рот и сказать: «А». Царь все просьбы мудреца выполнил беспрекословно, как выполнил бы всякий послушный ребёнок. Потом попросил его присесть и вытянуть руки, а когда царь поднялся, то взял своими руками кончики пальцев царя и слегка потряс их. Царь даже улыбнулся, улыбнулся и мудрец.

– Вы, Ваше Величество, телом совершенно здоровы. Беспокоит Вас, Ваше Величество, простите меня за прямоту, Ваша душа. Для души, смею Вас заверить, Ваше Величество, самое лучшее лекарство – это хорошая книга.

– А есть ли она в моей библиотеке? В моём государстве?

– Этого я Вам, Ваше Величество, сказать не могу, мне не дано. Скажу только, что принести её Вам должен человек, которого Вы очень любите, и кто Вас, Ваше Величество, любит, и Вы для него – самый дорогой человек.

– В моём государстве каждый его гражданин готов мне оказать любую услугу, – сказал царь.

– Это хорошо, – ответил мудрец, – и всё-таки, надо, чтобы это был, Ваше Величество, очень близкий, очень дорогой Вам человек.

– Самые близкие мне люди – мои сыновья, их пятеро, замечательные ребята, и мне не хотелось бы отпускать их от себя надолго.

– Ваше Величество, послушайте меня, попросите их, это верная служба.

С такими словами мудрец сложил руки на груди, поклонился и стал пятиться к двери.

Царь оглядел свой кабинет, чтобы найти что-либо, чем он мог бы вознаградить мудреца, взгляд его ни на чём не мог остановиться, так как кабинет был весьма прост. В нём было то немногое, что необходимо для работы. А когда царь обратился к мудрецу, чтобы в знак благодарности хотя бы сказать спасибо и пожать руку, того в кабинете уже не было.

Царь вышел в приёмную и спросил у приближённых, не заметили ли они человека, только что бывшего у него.

– Не-е-ет! – в недоумении ответили приближённые, – мы были здесь, мы никуда не отлучались, мы бы заметили.

– Да! – подумал царь, – это был воистину мудрый человек.

– Господа, пожалуйста, – сказал он приближённым после некоторого молчания, – пригласите моих сыновей, у меня к ним очень непростой разговор.

Когда сыновья пришли, он сказал им:

– Дети, дорогие мои, я очень нуждаюсь в вашей помощи.

И он передал им весь разговор, который у него был с мудрецом, и что мудрец посоветовал ему найти книгу, а какую – не сказал.

– Я думаю, сердце вам подскажет, что это за книга, и снова у нас в отечестве всё будет, как сейчас принято говорить: Тип-топ!

– Хорошо, отец! Государь! Ваше Величество! Мы готовы! Мы найдём эту книгу! Мы сделаем!

– Если в течение месяца такая книга вам не встретится, возвращайтесь, – сказал растроганный отец, – я и ваша матушка более длительной разлуки не перенесём.

Сыновья царя-батюшки вышли на самую середину государства и стали решать, кому в какую сторону идти.

– Я, – сказал старший брат, – пойду на север, этот путь малоизвестен, и на нём всякое можно ожидать.

– Тогда, сказал следующий за ним брат, – я пойду на юг, там жара, безводье, степи бескрайние, пески, пусть этот путь будет моим.

- Я пойду на восток, – сказал третий брат.
 - А я на запад, – сказал четвёртый.
 - А ты, сказали они младшему брату, – можешь пойти в любую сторону, но после того, как мы скроемся из виду.
 - Встречаемся ровно через месяц здесь же, на этом месте, – сказали они, как клятву друг другу, и пошли каждый в свою сторону.
- Младший брат стал ждать. Вот братья уже далеко. А вот и совсем их не видать.
- Что ж, – решает младший брат, – надо и мне идти. Но куда?
 - А сделаю, как делается в сказках: покручуясь через правое плечо, покручуясь через левое плечо, куда выйдет, туда и пойду.

Так и поступил.

Вот он идёт и внимательно смотрит под ноги – не встретятся ли где следы братьев? Нет, не встречаются.

– Хорошо, – подумал он про себя, – никому дорогу не перейду, сам буду искать.

Отправимся и мы за ним.

Старшие братья – более опытные, они и с пути не сбываются, и найдут что надо, и вовремя возвратятся.

Идёт младший брат. Заходит во все селения, во все города, во все встречающиеся библиотеки, большие и маленькие. Бывало, попадались такие книги, что только в царских библиотеках и должны находиться. Но, как будто внутренний голос нашёптывал ему: не торопись, есть ещё время, в крайнем случае, на обратном пути возьмёшь. И он шёл дальше. Вот младший брат, назовём его Иваном, стал уставать, стал чаще делать остановки, и наконец, решил: перейду это поле, пройду лесок, и, если что, поверну обратно, а то не успею возвратиться к назначенному времени.

А тучки-то набегают и набегают, дождик закапал, темнеть стало. Слышит он, вроде звонят где-то недалеко, совсем рядом. Сверкнула молния, и в свете её он увидел маковку храма со крестом, стены, ворота.

– Монастырь! – обрадовался Иван такому видению, – будет где обсушиться и переходнуть перед обратной дорогой.

– Проходите, добрый человек, – сказал привратник, открывший

ему, — я провожу Вас к настоятелю, он распорядится.

Нашему путнику дали переодеться в сухое чистое бельё, накормили, но расспрашивать не стали, ибо утро вечера мудренее.

После утренней молитвы и трапезы настоятель пригласил Ивана к себе и узнал от него всё, о чем вы уже прочитали.

— Я помогу Вашему — он хотел сказать «царю-батюшке», но сказал только, — батюшке.

С этими словами он подошёл к книжному шкафу, взял книгу и положил её перед Иваном.

— Евангелие, — прочитал Иван.

— Эта книга скромно издана, — сказал настоятель, — а в ней заключена такая сила, какой нет ни в какой другой. Она и мне помогла, помогала и многим другим людям, поможет она и вам, только читать её нужно с верой, без веры это будет простое занимательное чтение.

Иван достал свою дорожную сумку и хотел спросить о цене, но настоятель тотчас остановил его руку:

— Этот дар оплате не подлежит. Не смею Вас задерживать. Счастливого пути. Благословление Божие будет сопутствовать Вам.

Иван поклонился и оставил стены монастыря.

Какое чудесное утро встретило его. Всходило солнце. Воздух был чистый и ароматный. Капельки дождя блестели на листьях деревьев и стеблях травы, как разноцветные изумруды. Птицы пели с таким воодушевлением и такой самоотдачей, что Ивану самому захотелось запеть. Ах, если бы крылья! Он бы взмахнул ими и полетел!

Братья собрались все вместе в обусловленное время без опозданий. Их восклицаниям не было конца. Они смеялись, тискали друг друга, прыгали от радости, как маленькие дети, жали друг другу руки, что прохожие, увидевшие это, останавливались и с восхищением глядели на них.

Книги братьев, действительно, были дорогие, красочные. Обложки их были инкрустированы множеством самоцветов, серебром и золотом, и нельзя было сказать, какая из них лучше.

В книге старшего брата было рассказано об удивительных северных странах, об отважных путешественниках, о природе тех краёв, о животных, обитающих там, и многом-многом другом. И всё это было иллюстрировано такими рисунками, что казалось, помести их в рамки, да повесь на стену – получится целая картинная галерея.

Книги других братьев нисколько не уступали книге старшего брата. В них говорилось о тех местах, которые они встречали на своём пути, о народах и их обитателях, о культуре, об их приветливости и дружелюбии. И обложки их книг тоже были инкрустированы невидимыми дотоль драгоценностями.

Потом упросили и младшего брата показать свою книгу, и, хотя она была довольно скромна на вид, они бережно предавали её друг другу, листали её страницы, читали высказывания ранее неизвестных им персонажей и сказали почти одновременно:

– А что, возможно, эта книга как раз та самая, какая и нужна нашему отцу!

И они пошли во дворец.

Царь и царица не могли скрыть радости, увидев своих сыновей такими хорошими, бодрыми, дружными и возмужавшими, что царица даже прослезилась от нахлынувшего на неё умиления.

– Мы с вашей матушкой всегда верили в вас и счастливы, что у нас такие сыновья, – сказал Его Величество царь-отец. И ещё, – добавил он, – все книги по-настоящему царские подарки и они займут в его кабинете подобающее им место.

– Теперь, – сказал он, – можете идти к себе, отдохните, приведите в порядок свои дела. Я приглашу вас, когда мы с царицей основательно познакомимся с вашими подарками.

Спустя непродолжительное время царь пригласил их к себе в кабинет и братья увидели: их книги стояли каждая на отдельной полочке, прикреплённой к стене напротив стола Его Величества, а Евангелие находилось на рабочем столе справа.

– Мы с Вашей матушкой решили, что эти книги всегда будут перед моими глазами, а Евангелие – всегда под рукой. Теперь нам

надо подумать и о ваших свадьбах, вы совсем взрослые стали, и мы не сомневаемся, что и невесты есть на примете у каждого. Пора вам обзаводиться своими семьями.

— Согласны! Согласны! — воскликнули братья, — все пять свадеб соединим в одну.

И был пир, как говорится, на весь мир. И все жители от души радовались, что у них такой государь, а у государя такие славные сыновья. И на многие-многие годы в их царстве-государстве всё было, как сейчас принято говорить: Тип-Топ!

Тысяча девятьсот семидесятые...

Сижу в аэропорту Рошино. Это Тюмень. Прошёл регистрацию, но самолёт не выпускают – не принимает Север. Там низкая облачность, дождь, размыты посадочные полосы. Надо ждать, когда в облаках появятся просветы и полосы приведут в порядок.

В Тюмени тоже погода не очень, стоит водяная пыль, плотная как туман. Здание аэровокзала забито пассажирами, просто негде прислониться, не то что бы присесть.

На дворе стоят тысяча девятьсот семьдесят какие-то годы, время открытый и активного освоения нефтяных месторождений Среднего Приобья.

Похожу по вокзалу, выхожу на улицу, там пройдусь разок-другой вдоль здания от одного угла к другому, туда-обратно, и начинаю сначала.

Справа от привокзальной площади павильончик. Зашёл от нечего делать, заодно и перекусить. Возле павильончика посажены деревья, под ними скамейка. Постелил газетку, присел, хоть немного дать отдыха ногам.

Сижу.

Какая-то всполошившаяся стайка воробьев от того торца здания перелетела на этот и расшумелась ещё пуще. Галка, прежде гулявшая по крыше, подошла к краю и посмотрела вниз. Потом отошла, взяла что-то в клюв и вернулась. Выбрала удобную позицию и опустила свой снаряд. Я слышал как он ударился о бетон и стайка разлетелась.

Галка важно и с достоинством пошла осматривать свои владения.

Я посидел ещё какое-то время и пошёл в здание – авось объявили посадку. По дороге заглянул на место боя посмотреть, чем это галка бомбардировала воробьёв. Оказалось куриной косточкой. И хотя мне ещё и ещё пришлось пофланировать вдоль аэровокзала, прежнего уныния на душе уже не было.

А когда объявили посадку, все неудобства тотчас забылись и я с весёлым настроением улетел в Сургут.

P. S.:

Это было время социализма. Была коммунистическая партия. Был комсомол. Комсомол кроме прочих важных дел шефствовал ещё и над молодыми и начинающими литераторами. И ежегодно, обычно в сентябре-октябре в Тюмени проходили областные семинары, на которые приглашались кроме нас, начинающих, и признанные поэты, писатели и критики для более профессионального разбора наших «творений».

В последний день семинара самых достойных авторов приглашали записаться на радио. Тогда это воспринималось, как большой успех. Вот и я был тогда от Сургута одним из этих самых начинающих. О чём и вспоминаю легко и с благодарностью.

Плоды просвещения

Стою на мостике, перекинутым через лог. Мостик небольшой, пешеходный, сваренный из труб.

Верх лога и справа, и слева занят преимущественно соснами и ёщё кедрами, ниже – тальником и ольхой. По самому дну лога течёт ручей. Во время разлива большой реки вода заполняет и лог. Вместе с большой водой сюда на нерест заходит мелкая рыбёшка: в основном сорога, чебаки и ельцы.

За короткое время вода в логу прогревается, создавая благоприятные условия для развития икринок. К концу лета вода в большой реке спадает, спадает она и в логу. Вместе с водой уходят и рыбки, но остаются мальки. Их стайки держатся у самой береговой кромки, тут безопасней и больше попадается корма.

В этот день, о котором я хочу рассказать, погода стояла спокойная, солнечная и мальки блестели в воде, будто кто-то щедрой рукой набросал в воду серебряных монет.

Я остановился и стал смотреть на их «игру». Они проплынут против течения метр-другой и опять возвращаются на прежнее место, и так постоянно.

Группа ребят совсем ёщё дошкольного возраста собрались в пригородный лесок. Они вошли на мостик и увидели, что дядька, т. е. я, стоит и смотрит куда-то вниз. Ребята остановились рядом и тоже стали смотреть.

Мальки так блестели на солнце, что казалось, они действительно играли. Мальчик, который на вид был чуть-чуть постарше своих товарищей, воскликнул:

- Ребята! Ребята! Смотрите сколько мальков, – миллион!
- Тысяча! – воскликнул мальчик, явно дошкольного возраста.
- Миллион больше, – утвердительно сказал первый мальчик.
- Знаешь? – сказал мальчик, который сказал «тысяча».
- Знаю, – с достоинством ответил тот, – я в школе учусь.

Вот они – плоды просвещения, подумал я.

Мальчики постояли ёщё немного и пошли в лесок.

И я пошёл, но в другую сторону – в город.

Дом ребёнка

Аккуратный, двухэтажный особнячок уютно обосновался в небольшом дворике, заботливо ухоженном, с цветочными грядками, кустарником и небольшими деревцами. Центральный вход его обращен в сторону улицы и отгорожен от проезжей части металлическим забором. Улица малолюдная, маломашинная, идущая параллельно основной, городской, почти до самого центра.

Перед входом деревянное крыльце. Над ним двускатный козырёк. Над дверью большими буквами обозначено, что это Дом ребёнка. Во времена моего младенчества такие заведения назывались Дом малюток, и я свою жизнь в этом городе когда-то давно начинал именно с Дома малюток, не с этого, конечно. В те голодные годы в каждом большом городе они были.

Особнячок спокоен, недвижен и таинственен, как будто жизнь в нём замерла до какого-то определённого часа, никому не ведомого, и когда я проходил возле него, особенно в первые разы по приезде, что-то в груди сжималось, так сильно, что перехватывало дыхание и слёзы сами по себе обильно набегали на глаза.

Хорошо, что уочка тихая, почти безлюдная, и не надо было ни перед кем стыдиться. Лишь однажды я увидел, как воспитательница и рядом с ней с десяток пар почти крохотных ребятишек в разноцветных курточках, как цыплятки, взяв друг дружку за крылышки, тихонько шли вдоль цветочных грядок к беседкам вглубь особнячка.

Со временем потихоньку помаленьку всё как-то утишилось, не то чтобы совсем успокоилось, но всякий раз когда я подходил к Дому ребёнка, прежнее чувство начинало волновать меня с той же силой.

Однажды, почти перед самым моим отъездом, парадная дверь особнячка открылась и на крыльце вышла ни то чтобы молодая, но далеко до почтенного возраста пара – он и она. Между ними был мальчик, и они держали его за руки. Следом вышла женщина в белом халате, должно быть директриса. Какое-то время она стояла и смотрела вослед уходящим.

Вот они сошли с крыльца, сделали несколько шагов по дорожки, идущей вдоль забора по направлению к калитке, и мальчик оглянулся. Я представил, что чувствовала в этот момент директриса. Она постояла ещё немного и зашла обратно.

Когда мальчик оглянулся, моя душа так затрепетала, так зашлась, что я буквально захлебнулся потоками слёз и в тот момент просто был готов разрыдаться.

Впереди с большой кинокамерой, и наклонившись почти до уровня мальчика, тихонько отступая, снимал их кинооператор.

Мальчик больше не оглянулся. И я просветлённо подумал: Господи! Не оставь их своим вниманием!

Лагерный сад

Сад называется Лагерным.

Он рукотворный и находится на правом высоком берегу реки. В нём посажены тополя, сосны, кедры, берёзы и кустарники. Весной в сад прилетает множество птиц, а белки однажды поселились здесь и теперь живут постоянно. Их подкармливают, особенно папы и мамы, бабушки и дедушки, прогуливающиеся в саду с детьми.

Когда-то давно, ещё до Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, во время войны и некоторое время после здесь располагались летние лагеря курсантов военных училищ: пехотного, связи и артиллерийского и, вполне понятно, сад стал называться Лагерным.

Ещё – в нём обустроили мемориальный комплекс в память горожан, погибшим на этой войне. Сад – одна из достопримечательностей города и в любое время, в любую погоду сюда приходят горожане, студенты и приезжие гости. Особенно прекрасен сад в предосеннюю пору, и когда открываются изумительно великолепные виды за реку, где желтеют поля, созревающих посевов, озёра, старицы, дороги, а вдали деревни – сосновый бор.

Я, приезжая в этот город, город моей юности, обязательно прихожу в Лагерный сад, перед тем на рынке покупаю стакан кедровых орешек, в основном для белочек. Мои зубки давным-давно не те, когда я смог бы посоревноваться с ними. Белочек в саду не так много, но они есть и людей не боятся. Увидишь белочку, подойдешь поближе, присядешь на корточки, вытянешь руку с угощением и она обязательно подбежит. Бывает, что белочка сначала побегает около, как бы изучая ваши намерения, но всё равно любопытство берёт верх, и вот она уже около руки. Белочки не все орешки съедают, а которые спрячут, выберут укромное местечко, положат туда, передними лапками раз-раз-раз присыпят и бегут за новыми. Может, поэтому даже в тех местах, где и в помине нет кедр, вдруг появляются побеги маленьких кедропок. Я прошёл по саду почти до самого конца, и орешков у меня осталось совсем немного.

Последняя белочка, которую я угощал, поступала также – какие съест, а какие спрячет. Когда орешки закончились, я подумал, а что теперь белочка будет делать?

Она подбежала, проворно забралась на руку, поводила мордочкой по ладони, ища орешки, да как укусит за подушечку мизинца – ой-ой-ой – словно несколькими иголками одновременно укололи, отпрыгнула и убежала.

– Не будешь обманывать! – наверное, подумала белочка, спрыгивая с руки. Но всё равно моё настроение не испортилось, хотя, признаться, мизинец ещё долго побаливал.

Время было предвечернее. Солнце ещё не спешило сесть за горизонт. По саду прогуливались пары и горожане.

И уходить из сада совсем не хотелось.

Бурундучик

Иду пригородным леском старой просёлочной дорогой. Справа и слева красуются деревья во всём своём осеннем убранстве. Погода хорошая. Небо ясное. Солнце кренится к закату. Ветра нет.

Я ходил в лес просто так, посмотреть, полюбоваться красками осени, и если что встретится из ягод и грибов – скажу спасибо. Никакой посуды ни для ягод, ни для грибов у меня с собой нет. Странно было бы найти их в эту пору.

Сначала я ещё заходил в лесок то справа, то слева от дороги в надежде, а вдруг что-нибудь да найдётся. Ничего не находилось. И теперь потихоньку возвращаюсь домой краешком обочины, наслаждаясь осенним пейзажем и спокойным неярким осенним закатом.

Через дорогу проходит высоковольтная линия электропередачи. На самом верхнем проводе – он служит защитой от молний – сидит дрозд и так беспокойно квохчет, так трепещет крыльями и подёргивает хвостом, как будто он увидел со своей высоты что-то нехорошее и этим выражает своё возмущение.

Я прошёл под линией и мне показалось, что я чуть было не наступил на какой-то странный маленький сучок, который не лежал на земле как должно было быть, а стоял торчком. Я подумал, что это за сучок такой и оглянулся. Ба! Да это же бурундучик. Он сидел на задних лапках, прижав передние лапки к телу и внимательно, не шевелясь, глядел вверх на дрозда и слушал его.

Господи! Ведь я прошёл совсем рядом и мог наступить. Бурундучик не обратил на меня ровным счётом никакого внимания, хотя находился от него всего-то в одном шаге.

Вот дрозд успокоился, перестал квохчить и трепетать крыльями.

Он посидел ещё немного и полетел. И полетел именно в ту сторону, в которой его что-то так тревожило.

В это время бурундучик опустился на передние лапки и перебежал дорогу.

И я пошёл, радуясь и благодаря неведомо кого за то, что был зрителем и слушателем этого необыкновенного лесного действия.

Ворона

Конец лета. Начало осени. Первые заморозки. Иду окраиной города небольшим парком из тополей, берез и осин совсем обледевших. Предвечерние сумерки. Падает лёгкий снежок, ещё робкий.

По краю парка спуск на пойму большой реки. Сама река где-то далеко, её не видно, но я знаю, что в этом далеке она есть. На пойме, почти у самого спуска к ней недобросовестные водители вывалили кучи всевозможного мусора, похожие на холмы, уже припорошенные снегом.

(Слово недобросовестные нынче широко распространённое и часто употребляемое в среде управляющих нашим государством).

На некоторых холмах сидят вороны и что-то там пробуют найти на пропитание. На одном таком холме, самом близком к спуску, сидит одинокая ворона и тоже что-то клюёт, но голову держит как-то странно – боком.

Я остановился узнать, что этому причина и увидел: половина верхней части клюва у неё нет. Вот те на!

Впервые мне встретилась такая ворона, и меня удивило то, что сидела она отдельно от своих подруг. Возможно, что вот этот дефект и держал её на некотором расстоянии от других. И подумал, что нелегко ей придётся зимой с таким клювом, нелегко.

Как-то в разговоре с одним знакомым (не помню, о чём был разговор) я сказал, что видел ворону с отломанной половинкой верхней части клюва. Он спокойно сказал, что скорей всего они подрались. Никогда не видел, чтобы вороны дрались. Ну, гоняет одна другую, если этой другой, удалось раздобыть где-то пусть не кусочек сыра, но что-то вроде того.

Или вот наблюдаем вороний грай – когда вороны с тревожными криками носятся в беспорядке над верхушками деревьев наших парков в предчувствии ненастяя. Чаще это происходит под вечер, но это к дракам никак не относится.

Вот голуби городские, беспородные, те дерутся, и при том стаются ухватить противника за шею, а это, по-видимому, очень опасный приём.

Воробыи, те просто прыгают друг на друга, имитируя нападения, но драк избегают.

Так что же могло случиться с той вороной?

Однажды, через какое-то время, может, год – другой, недалеко от моего дома в небольшом пришкольном парке на высоком тополе сидела ворона и пробовала клювом отломать край веточки.

Жаль, что не удосужился досмотреть до конца: смогла ли она отломать эту веточку, и на что намеревалась её употребить, ведь в природе до основательного торжества весны было ещё не так близко и кругом лежал снег, хотя довольно унылый, серый и влажный.

Не мудрено подумать, что это ветка предназначалась для строительства гнезда.

Так вот почему у той вороны (скорее всего у супруга вороньи-мамы) не было половины верхней части клюва – не по клюву, видать, в азарте строительства гнезда, выбрал он ветку.

Вот если бы ту ворону (супруга вороны) поймать и сделать протез, – подумал я, – и была бы она такая же как все в этой стайке. Но как ей (ему) сказать об этом?

Надя

Мы – бригада освоения переехала на новый куст, законченный бурением. Куст – это ряд скважин. На кусту ещё находились несколько вышкомонтажников. Они передвинули буровой станок так, чтобы он не мешал нам, осваенцам, осваивать скважины. Когда вышкомонтажники отправили с куста всю свою технику: столовую, вагончики, трактора, слесарку, сварочную, и прочее, и прочее; один из них подошёл к нам и сказал: «Ребята, на том озере, – он показал рукой за наши балки, – живёт гагара, она почти ручная, покричите: Надя! Надя! Она приплывет, не близко, но где-то на расстояние броска. Рыбу найдёте, где стояла наша столовая, там лежит целый брикет хека. Ну, всего».

По его уходе, мы тотчас пустились знакомиться с Надей. В ту пору в бригады привозили кроме основных продуктов, которые заказывали, ещё и по целому брикету хека, как бы в нагрузку. Конечно, весь брикет мы не съедали, а оставшуюся часть после окончания работ и при переезде на другой куст просто оставляли. Песцы, лисы и другие таежные жители считали это своей добычей, возможно, ещё и благодарили нас.

И вот мы набрали рыбы, пришли на берег и кричим. Надя! Надя! И правда, из-за островка выплывает гагара и плывет по отношению нашего берега метров на пятьдесят. Бросаем рыбину, и как только она плюхается в воду, гагара тотчас ныряет. Через какое-то время в том месте, где рыба упала, расходятся круги, значит, Надя рыбу взяла, теперь, ждём где она вынырнет. Выныривает она далековато, почти у самого берега островка. Бросили ещё несколько рыбин и пошли собираться на работу обустраивать куст.

А почему вышкомонтажники гагару назвали Надей? Скорей всего потому, что у них в бригаде поварихой была Надя. Вот и гагара получила это имя в её честь – должно быть так. Стояли мы на этом кусту месяца полтора-два, почти все лето. Кроме своих дел, Надю подкармливать не забывали, и всегда она была одна. Были ли у неё утят, не знаю, не видел. И летать она как будто бы не лептала. И что её могло ожидать потом, не решаюсь и предполагать.

Лягуша-Квакуша и Комар-Комарович

На краю болота, где болото постепенно заканчивается и начинается лес, жили лягушки. Жили они там давно-предавно с того самого времени, когда болото только-только начинало образовываться. Главной у них была Лягуша-Квакуша 22-я, их королева. Она была из старинного и знатного лягушачьего рода, такая важная, такая степенная, такая правильная, такая вся... сами понимаете, какой и должна быть королева. Её подданные уважали свою королеву, гордились ею и старались во всём ей подражать.

Лес же в том месте состоял в основном из сосен, берёз и кедр – высокими, величественными деревьями, полными грибов и ягод. На спуске к болоту росли редкие кустарники, а дальше пробовали выжить маленькие чахлые деревца среди сухого и корявого чащыжника, годного разве что для костра. И эти места стали обживать комары, тоже с незапамятных времен.

В начале лета, когда на болоте начинала цвести морошка, комары любили навещать территорию лягушек с тем, чтобы полакомитьсяnectаром цветов морошки. Никакого вреда своими набегами, то бишь, налётами они цветам не причиняли, наоборот приносили пользу – опыляли их.

Главным у комаров был Комар-Комарович 12-й. Почему 12-й? Да потому что он был ещё молод и жизненного опыта у него было что называется набирать да набирать, не то что у Лягушки-Квакушки 22-й. Но был он любим и уважаем своим комариным народом, как храброго и принципиального.

И комариный народ часто обращался к нему с жалобой на своих соседей – лягушек, на их неприветливость и непонимание. Вот Комар-Комарович 12-й решил сделать визит Лягушке-Квакуше и обсудить с ней эти недоразумения.

Её величество Лягуша-Квакуша была обрадована визиту Комара-Комаровича, столь высокого гостя и назначила ему аудиенцию в своих апартаментах возле самой роскошной кочки её болота, прямо утопающей во множестве необыкновенно красивых цветов морошки, так обожаемых Комаром-Комаровичем. Конеч-

но, ему был предложен и фирменный Лягуши-Квакуши напиток – чудодейственный сфагновый бальзам, настоящий на ягодах морошки, от которого Комар-Комарович просто не мог отказаться, не только из придворного этикета, принятого в таких случаях, но и сам напиток был очень и очень приятный и на взгляд и на вкус. Комар-Комарович передал Лягушу-Квакуше напутствие своего народа и изложил ей своё понимание какими хотелось бы ему видеть отношения между народами Лягуши-Квакуши и его Комара-Комаровича, чтобы они были взаимоприемлемыми, взаимоуважаемыми, взаимопонимаемыми, в общем чтобы в их отношениях всё было открыто и просто... по-семейному.

– По-семейному! – радостно воскликнула Лягуша-Квакуша.

– Ах, как Вы, Комар-Комарович, прекрасно выразились – по-семейному! Я непременно обдумаю Ваше пожелание!

От восторга она даже прикрыла глаза и потянулась блаженно.

– По-семейному! Как это чудесно! –

И так глубоко-глубоко вздохнула, что у неё как бы слегка закружила голова – по-семейному!

Некоторое время она оставалась в таком недвижно-восторженном состоянии. Вот она открыла глаза, смотрит, а Комара-Комаровича нет.

– Комар-Комарович! Комар-Комарови-и-ич, Вы где? – позвала она и огляделась вокруг. И тут она почувствовала, что у неё в рту что-то есть. Она совсем неосознанно произвела глотательное движение и ей стало приятно.

– Ах! – воскликнула Лягуша-Квакуша, если бы всегда, вот так, просто... по-семейному! А то эти, как их – журавли, с ними ни...

– Ой!

– Прячусь! Прячусь!

Самое-самое начало 1990-х годов.

Работаю в Управление Буровых работ № 1 (УБР-1) объединения «Сургутнефтегаза» в бригаде освоения. Нефтяники знают, что это такое.

Для ненефтяников скажу, что это заключительные работы по подготовке скважины в эксплуатацию, т. е. чтобы из неё получать нефть, газ, воду – на что пробурена.

Мачта для спуска и подъёма насосно-компрессорных труб (НКТ) смонтирована на базе автомашины КРАЗ.

Площадка возле устья скважины открыта для любой непогоды: дождь, снег, мороз, ветер. Помбурам ещё терпимо – они вынуждены двигаться и этим, как бы, согреваются в непогоду. Бурильщик же стоит у пульта и тут не походишь, не попрыгаешь.

Летом нормально, и весной, и осенью ещё ничего, но зимой, особенно в морозы и метели, когда тебя пробирает и продувает насквозь, подумаешь что надо кожушок всё-таки приобрести, защищить спину и поясницу от простуды.

Однако, вахту отстоишь, приедешь домой и забываются все неудобства. И так каждый раз. И вот как-то вечером захожу в промтоварный магазин. Нахожу этот отдел, выбираю, то один, то другой... что-нибудь да не подходит. Тут заведующая говорит довольно громко, чтобы покупатели поторопились, потому что магазин закрывается. Ну, ладно, решаю завтра зайти.

На завтра прихожу, а магазин пуст, пуст совершенно, ничего – голые стены.

Не удивляюсь – может, перестановка, может, переезжают, может, ещё что-то, кто их знает.

Мы закончили эту скважину, встали на новую на другом кусту. А там надо сначала воронку на НКТ допустить до забоя, забой промыть, прежде чем проводить какие-либо другие работы. А промывать надо через ёмкость, которой на кусту нет. Есть одна свободная 20 м³, но она забита шламом и находится где-то у заброшенного песчаного карьера.

Мне диспетчер говорит: бери ППУ – это полевая паровая установка – и поезжай, машинист знает. Ну что ж, сажусь, едем. Едем-едем. Вот поворот как бы на просёлочную дорогу с едва заметной в снегу колейой.

Доехали. Машинист разогревает котёл, я разматываю шланг, вытыкаю «пику», трубку метра полтора, в шлам.

Ёмкость полная, не успею к концу рабочего дня её отогреть и освободить. Надо разложить костры вокруг ёмкости, тогда более вероятно.

Осмотриваюсь – где что-нибудь деревянное найти. Вижу: дощечки торчат из кучи снега. О, да это же ящики из-под апельсин, и сами апельсины, но уже основательно попорченные, и их достаточно много. Дощечки лёгкие, сухие, горят хорошо. Успею!

Решил немножко пройтись, посмотреть, что там дальше.

Господи!

Огромная куча колбасы, полукопчёной, уже покрытая плесенью какой-то бело-серо-зелёной.

Магазины пусты, а всё здесь, на заброшенном песчаном карьере, и он же, должно быть, не один вдоль дорог и трасс. Помните Егоро-Гайдаровское: надо отпустить цены, тогда всё появится. Значит, это всё где-то было припрятано. Или гнило вот на таких же заброшенных песчаных карьерах. Весь карьер обходить не стал, большой, да и снег глубокий, и там подальше от глаз скорей всего навалено пуще этого.

Вот тебе и ах! – дорогой мой. Вернулся к ёмкости присматривать за кострами.

Зимой в Сибири темнеет быстро. Смотрю: шлам у бортов ёмкости оттаял. Надо попробовать ёмкость перевернуть и освободить её от всего что в ней отпарилось. Всё сделано как надо и успели на базу к пересменке.

P. S.:

Не буду судить ни о Москве, ни о Ленинграде (Санкт-Петербурге), ни о других больших городах по случаю пустых полок и прилавков, а здесь, у нас, в Сибири, всё это происходило вот так.

Виктор, мой двоюродный брат, одессит, крепыш и симпатяга, закончил мореходное училище и получил распределение на подлодку. После нескольких успешно выполненных плаваний им поручили задание во Вьетнам. Там они попали в некую переделку, и им пришлось лечь на грунт. И это было серьёзно. Сообщить своим о местоположении было опасно. Американцы непременно бы их засекли, т. е. запеленговали и забросали бы глубинными бомбами.

Тогда у них шла война между Севером, которому помогал СССР, и Югом, проамериканским.

Единственное, что было возможно в той ситуации – только через торпедный аппарат. И эту роль Виктор взял на себя.

Ну, а как же – молодой специалист, комсомолец. Кому ещё?

Не матросика же, салагу, посыпать звать на помощь.

В Советской армии ещё действовал один из непреложных Суворовских наставлений: сам погибай, а товарища выручай!

Спасли и подводную лодку и экипаж. А Виктор?..

А Виктору – досталась кессонка. Сопровождать его в Союз вызвался лучший друг. Не доехав Одессы почти на половине пути он Виктора оставил, прихватив с собой всё, что Виктору надарили на память за спасение благодарный экипаж. И сказал напоследок, оставляя его: Зачем тебе это – всё равно ты не жилец.

Вот подонок.

И в Советской армии, и в Советском подводном флоте встречались и не так уж редко подобные типы.

Благодаря добрым людям он всё-таки добрался до дома.

Конечно, военкомат не оставлял его без внимания, но... они не Боги. Теперь Украина независимое иностранное государство и ориентиры у них совсем другие.

Отец Виктора и моя мама родные брат и сестра. Виктор коренной одессит, я коренной сибиряк.

И это было так давно.

P. S.:

18 марта 2018 года у нас в стране прошли выборы главы государства, и народ в большинстве своём, в который раз, выразил свою приверженность капитализму.

Жаль!

Думаю, он – народ – это сделал в тщетной надежде, что и ему – народу – что-нибудь перепадёт.

Первая страна социализма… была, не вполне совершенного, конечно, но всё-таки.

В те годы у нас было множество друзей и на Западе, и на Востоке, и во всём мире, даже из аристократических и королевских семей, и ориентировались на нас как на оплот социализма, то есть справедливого общества. Теперь друзей у нас поубавилось и основательно, а что в нас интересного – мы обыкновенная капиталистическая страна со всеми её атрибутами и пороками. И вот очередной сюрприз капитализации – трагедия в Кемерове. Ищут причину, а причина проста – всё ради прибыли, и капиталист, нынче он и работодатель, и бизнесмен, и предприниматель, и т. д. и т. п., и ради этой самой прибыли он ничем не погнушается: из любого закутка хоть горсть пятаков – его девиз.

Когда мы вернёмся на свой путь, так бездарно оставленный нами в попыхах?

Не скоро. Ой, не скоро!

Стихи?!

Что такое стихи? Самое простое и лаконичное определение стихов – это ритмически организованная речь. Ритмичность достигается путём упорядоченного чередования ударных и безударных слогов в стихе. Стих – одна стихотворная строка.

Размеры стихов заимствованы из античной поэзии, их два: двусложники и трёхсложники. К первым относятся ямбы и хореи, ко вторым – дактили, амфибрахии и анапесты.

Через Францию и Германию они (размеры стихов) пришли в Россию. Первыми, кто применил эти размеры в русском стихосложении, были Тредиаковский Василий Кириллович и Ломоносов Михайло Васильевич.

Приведём примеры, сразу же расставляя ударение. Обозначим ударный слог (I), безударный (-).

Двусложники:

Нāвиc пōкróв ūгрюmой нóющī

Пушкин А. С.

Сkāжс̄-kā, dýdāy, véдъ nēdárōm

Лермонтов М. Ю.

Как видим, из этих строк, в них четыре ударных слога и четыре безударных и по одному неполному слогу в конце. Конечный неполный слог называется клаузулой. Если такой слог встречается впереди строки – это анакроза, а если наблюдается метрическое пересечение внутри строки – цезура. Часто в размер стиха вставляется два рядом стоящих ударных или же два безударных слога. В первом случае – спондей (II), во втором – пиррихий (--).

Всё это даёт широкие, почти безграничные возможности автору для выражения его мыслей, чувств, переживаний и т. д.

В приведенном примере ударный слог стоит после безударного. Такой стих – ямб, а так как в каждой строке по четыре стопы (ударный слог + безударный), стихи – четырёхстопный ямб. Кроме четырёхстопного, ямб бывает и трёх-, и пяти-, и более стопным.

Немножко от себя. Предчувствие.

Написание стихов, сложение их тем или иным размером (двусложниками или трёхсложниками) не в последнюю очередь зависит не только от характера поэта и им выбранной темы, но и от объёма его легких, т. е. глубины вдоха и выдоха, что сродни легкоатлетам. Чем объём лёгких больше, тем удачнее даются длинные дистанции и наоборот: чем объём легких меньше, легкоатлету предпочтительнее короткие дистанции.

Но вернёмся к нашим двусложникам...

Второй пример:

Бúря мглою́д нéбó кроёт

Пушкин А. С.

Выпáл снéг и всé забылóсь

Рубцов Н. М.

В обоих стихах ударный слог стоит перед безударного – это хорей. Их по четыре в строке, значит, они представлены четырёхстопным хореем.

Теперь рассмотрим трёхсложники. Их три вида: дактиль, амфибрахий и анапест.

В трёхдольниках, само собой, три слога: один ударный и два безударных.

Если ударный слог перед двух безударных – это дактиль.

Если в середине – амфибрахий.

Если ударный слог в конце – анапест.

ПРИМЕРЫ:

Дактиль:

Тúчкí нéбесныé, вéчныé стрáинíкí

Лермонтов М. Ю.

Вóт óно, глúпðé счáстьé

Есенин С. А.

Дактиль Лермонтова - четырёхстопный, полный. Дактиль Есенина – двустопный, с одной неполной стопой в конце, но если

слово «счастье» прочесть как «счастие», то дактиль Есенина будет трёхстопным полным.

Амфибрахий:

Сīжсú за̄ рēшēткōй в тēмнýцē сы̄ро́й

Пушкин А. С.

Сréдь шúмнðгóй бáлá слúчайнóй

Толстой А. К.

Если в амфибрахий Пушкина в слове «сырой» «Й» произнести как «И», то получим четырёхстопный амфибрахий, полный. Амфибрахий Толстого трёхстопный, полный.

Анапест:

Зnамéнитый Сmáльгóльмский бáрón

Жуковский В. А.

Нá зáрé ты́ ёё нé бу́ди

Фет А. А.

Анапесты Жуковского и Фета оба трёхстопные, полные.

Подведём итог:

Это упрощённое определение стихотворных размеров. Трудов по стихосложению множество и в них рассматривается более детально и научно этот предмет.

Примечание:

Чтобы легче определить размер стиха, предлагаю произносить, хотя бы мысленно:

Ямб, как «иáмб» (всё-таки двусложник).

Хорей, как хóрей (с ударением на первом слоге).

Дактиль, как Дáкилий (трёхсложник, ведь ударение на первом слоге).

Амфибрахий, как Амфиáрах (при чтении убрать «и» и «й», ударение на среднем слоге).

Анапест произносить с ударением на последнем слоге – «Анапéст».

И тогда в определении размера стихов затруднений у вас не станет возникать.

Часть вторая

СТИХИ И ПРОЗА

Наступает Новый год.
Убежал на крышу кот.

Будет там всю ночь сидеть,
Распевая песни –
Ничего другого ведь
Нету интересней.

Сияет над городом звездная высь,
В окнах нарядные ёлки зажглись.

И, глядя как дети ведут хоровод,
Рады родители – взрослый народ.

И снежные бабы к ним в окна глядят –
Всё ли как надо у наших ребят?

Ах, морозец, право,
Ты такой шутник,
И слева мне, и справа
Снежком за воротник.

Оно не всё приятно,
А злиться не с руки,
И каждому понятно,
Что мы – Сибиряки.

Оплыла зимняя дорога,
И всё ясней день ото дня –
Ещё чуть-чуть, ещё немного,
И побегут ручьи, звеня.

И друг наш Север пусть не злиться,
Март победил, его права.
Ольха вот-вот осеребрится,
А там – проклоняется листва.

Пришла пора весенняя,
Счастливая пора
И мамы не докличатся
Детишек со двора.

Они работой заняты,
Им некогда домой,
Осталось ручки вылепить
Для бабы снеговой.

А дома кашка манная
Вздыхает и пыхтит...
У деток пробуждается
Здоровый аппетит.

Акварелька-1

Выйди, выйди солнышко,
Загляни в оконышко
Чтоб цветочки в вазоньке
Открывали глазоньки.

Выходило солнышко
Рассыпало звонушки,
Весело играя
В честь родного края.

Акварелька-2

Поднималось солнышко
Как жёлтое подсолнышко
И на деревни петухи
Распелись, словно женихи.

А за деревней тёлушки
Под свирельку Стёпушки
Важно ходят по росе
Зачарованные все.

Собираются тучи-летучи,
Скоро дождик пойдёт неминуций.

Побегут ручейки по дорожкам,
То-то будет веселие ножкам.

Сбросим с ножек свои босоножки –
Отдохните, любимые ножки.

Пусть промокнем слегка, ну и что же,
Посвежеем чуть-чуть, помоложем...

Человеку, зверушкам и птицам
Сном здоровым в часы эти спится.

Кукушечка кукует:
Ку-ку, ку-ку, ку-ку,
И песенкой волнует
И рифму, и строку.

Деревья в лёгкой дымке
От нас секрет таят,
И годы невидимки
За дымкою стоят.

Этюд

Лёгкой дымкой стелется
Утро над рекой,
Навевая в сердце
Радость и покой.

Плюскаются рыбки,
Костерок горит.
Звёздные улыбки
Небо нам дарит.

Золотистым светом
Окроплён восток...
Вот бы мне об этом
Хоть бы пару строк.

Настроение

Всё реже-реже солнца луч
Нам шлёт привет в просветы туч.

А чаще дождик моросит
Из всех своих несметных сит.

Он будто взял под выходной
Просеять тучи до одной.

И вот в туманной белизне
Весь город, словно в полусне

Примолк в преддверье октября
И, кажется, совсем не зря.

Какая польза от пенья птицы?
Какая польза от крика чаек?
Но вам и в полночь совсем не спится,
Встаёте бодро, рассвет встречая.

А это – голос самой природы,
Самой природы любимым детям,
Что каждый в жизни своей свободен,
И мы свободны гордиться этим.

Предчувствие осени

Побледнели небеса.
Птиц умолкли голоса.
Опечалилась смиленно
Лета пышная краса.

Заосенились осины.
Закудрявился кедрач.
Вечер долгий, синий-синий,
Грустный-грустный...

Хоть заплачь.

Ворона

Над парком ворона
Летает весь день
И криком наводит
Унылую тень.

«Друзья и подруги,
Я здесь, я одна,
Скорей помогите,
Мне помочь нужна».

Зовёт и зовёт,
Потеряла покой.
Ну, кто отзовётся
На голос такой.

Озябли осины. Продрогли берёзы.
Дождинки на ветках застыли, как слёзы.

И тянутся птицы поближе к жилью.
Я им обновляю кормушку мою.

И этим деянием я не хвалюсь,
Хоть хлебною крошкой, а всё ж поделюсь.

Плачет осень безутешно –
Скоро ляжет снег вокруг.
Гуси севера поспешно
Собираются на юг.

Зимы промчатся белы кони,
Придёт весна в поля и лес,
Я буду ждать вас с-под ладони
Озирать лазурь небес.

И вот повсюду обновленье –
Кричат грачи. Бежит ручей.
И всюду жизнь, и всюду пенье
По всей стране
Родной.
Моей.

*«Взвейтесь кострами синие ночи
Мы пионеры, – дети рабочих
Близится эра светлых годов,
Клич пионеров: «Всегда будь готов!»**

Пенсионеры – пе~~С~~неонеры,
Вы жизнерадостны, как пионеры.

Вот и допелись. Вот и вам и сталося,
Почти как награда – нищая старость.

Разве об этом вам в детстве мечталось
У пионерских ваших костров?

* стихи А. Жарова

«Поэт в России больше чем поэт»,*
И этим сказкам выражений нет.

Поэт в России – Господи прости –
Порой на хлеб не может наскрести.

Поэт в России – ежели пригрет
Вниманием внимающих,
Тогда,
Оно, пожалуй, завтрак и обед,
И ужин...
Не для всех и не всегда.

* стихи Евгения Евтушенко

«Вот когда, вот тогда».
Обещали господа.

Мы ж, развеся уши, им
Благодарно слушали.

Вот «когда» настало,
Но светлей не стало.

Те же кочеты и клуши
Вновь стрекочат в наши уши.

Про стабильность скажут тут,
Про счастливый честный труд.

Упомянут о свободе –
Это нынче стало в моде.

И что народу чается...
Песня не кончается.

Башка трещит,
Как дерево в мороз,
Зачем же пил?
Тогда встаёт вопрос?

Да я не пил,
Я просто выпивал,
А что болит,
Так я ж тогда не знал.

У нас всё стабильно,
Ну, просто умильно –
Богачи богатеют,
Нищие нищают...

Ни те, ни другие
Иного не чают.

Заслуженных сверчков социализма
Определили на шесток капитализма.

Ну что ж, и здесь живётся им не ложно
И можно петь, о чём и петь не можно.

Восторженно об это и о том...
А жизнь идёт обычным чередом.

Надо людей любить,
Люди – они хорошие,
На нас они даже похожие –
Им хочется кушать и пить.

Откуда ж тогда берутся,
Что сами с собой дерутся,
И скверно морочат друг друга...
Где выход из этого круга?

Не помню,
Наверно, с испуга.

В мире много хороших людей,
Среди русских они и среди иудей,
Среди многих народов уверенно есть,
И об этом, признаться, не новая весть.

А тот, кто не верит совсем не злодей,
И не надо таких за неверье таскать...

В мире много хороших людей...
Только надо их поискать.

Время. И дети прошёлшей войны
Прощаются с нами с чувством вины:

«Мы сделали всё, что мы сделать могли.
И вот мы уходим, уходим, ушли».

И я им во след по чуть-чуть, понемногу
Ступаю на ту же, прошёлшую ими, дорогу.

И мне остаётся у Бога просить и молиться:
Дай, Господи, дай мне не оступиться.

**Другу-поэту на его покупку мне
булки белого хлеба. Томск.**

Благодарю тебя за хлеб.
Я шёл, жуя его, как Феб
До Ключевской на перегоне
По Ленин-стрит.

Когда ж последний кус дожрал,
То тотчас чуть ли ни заржал,
Как тот Пегас на Геликоне,
Где нам Кастьальский ключ искрит.

Друзьям – поэтам

Муза нас в полон взяла,
У ней большая сила,
Взяла в полон и повела,
И имя не спросила.

И мы идём. Идём. Идём,
Куда, не зная сами,
И в честь её хвалу поём
Хорошими стихами.

Бывает, смолкнем и ни-ни,
Ну ни строки, ни звука,
И для нас такие дни –
И тоска, и мука.

Но вот запели... и тогда
Весь мир берём в объятья,
Тогда нам горе не беда,
И все – друзья и братья.

Жил поэт печальный,
Совсем не идеальный,
И стихи писал к тому –
Совсем не нужных никому.

Но он не мог их не писать,
Как танцору не плясать,
Как музыканту не стучать
По клавишам,
Певцу – молчать.

И далеко он был не Феб,
Пивал чай и кушал хлеб,
И кашку иногда варил,
И жизнь как мог, благодарил.

За то, что вот она такая,
А никакая-то другая,
Что всё как надо, всё путём.
Так он живёт, так мы живём.

Я люблю тишину, я люблю, но какую!
Очень трудно об этом словами сказать.
Город приляжет домами на мостовую
И долго думает что-то, не закрывая окон глаза.

О чём ему думается, седому и юному,
Деревянному, каменному, рабочему и студенческому?
Асфальт играет лучами лунными,
Как человек игрушками в своём младенчестве.

Я тоже вот так, придя с работы,
Устав, что больше и устать нельзя,
Прилягу, но от чего-то
Долго-долго не в силах закрыть глаза.

Люблю

Люблю январские морозы.
Люблю ромашки на лугу.
Люблю сентябрьские слёзы
Люблю сороку на стогу.

И рождество люблю, и святки,
И ёлку в праздничных огнях...
Скорей на улицу, ребятки,
Кататься с горки на санях.

Шутка

Полюбилась мне девушка Вика,
Не сводил я очей с её лика.
Вот, подумалось, счастье велико.

Но и тут-тут как тут – заковика,
Потому что вздыхал поелико...
Хоть зайдись от печального крика.

Обоянь

В Обояне обаятельные люди, –
Мне сказали, будто выдали на блюде.

Вот бы в Обояне побывать,
Вот бы обояней повидать,

Вот бы посмотреть – на что покажут,
Вот бы услыхать – о чём расскажут.

А потом, при всём, при том, при этом
Пригласить их к нам с приятельским ответом.

Посмотреть на город, на тайгу,
У Оби побыть на берегу.

И воскликнуть с гордостью во взоре –
Вот она, Россия, на просторе!

Рабочим СССР

Не ради денег и похвал
Вы каждый в строй рабочий встал.

И был у вас негласный суд,
И этот труд вы звали – труд.

Я сам судим был тем судом,
И не стыжусь признаться в том.

Не знаю: есть ли по сей час
Вам звание – рабочий класс?

.....
Вы были все товарищи,
Теперь вы господа.

А проще – лишь работники,
Наёмного труда.

Уходя оглянуться

Я сроднился давно с Васюганом.
Я когда-то там рос мальчуганом.
Жаль, что нынче там просто заимка,
Вот такая вот вышла заминка.

Рядом с клевером там по соседству
Цвёл лопух и росла лебеда.
Как любил я в счастливое детство
Этот луг головой бодать.

Может быть, мне уже не вернуться
В те, ушедшие в вечность года,
Так хотя бы, уйдя, оглянуться
И проститься, уже навсегда.

Портрет

Вот дуб. Осиновый берёз,
Но как он важен,
Ведь он Сам-Самычем всерьёз
На пост посажен.

А может, только и всего
Давай! и Уря!
Но тронь попробуй-ка его,
Так будет буря.

Партнёры

«Они» обозначили нас во изгои,
Самое, те есть враги.
Нам и помыслить, что это такое,
Ну просто никак не моги.

А как же. «Они» же партнёры.
Партнёры!
В наших Российских делах...
Скромно потом отводить будем взоры,
Нас вновь обманули – Ax? Ax??

Он и стар. Но он и молод,
Ты таким его люби.
Этот город. Этот город.
В среднем течении Оби.

Мы романтики. Всем нам по двадцать.
Самых ярких и памятных лет,
Когда стал над тайгой подниматься
Город наших надежд и побед.

Были мы словно сёстры и братья,
Нас большие сроднили дела.
И тайга нам открыла обятья
И своими детьми назвала.

И уже площадями, проспектами
Рядом новая юность идёт.
С небывалыми прежде проектами,
Что продвинут Россию вперёд.

Будет время. Пусть будет не скоро,
Всё ж к судьбе возражения нет.
Мы уйдём, но останется город –
Город наших надежд и побед.

Генетический сон

Эх, Россия моя, Россия,
Мать родимая наша земля,
Что ж не вспомнишь ты о сыне,
Я ж кровиночка твоя.

Приложи свои ладони
К воспалённому челу,
Лица, лица. Кони, кони
Лихо мчатся по селу.

Все свои и все прекрасны,
Все – единая семья.
Рухнул белый. Рухнул красный...
Помири их, Мать-земля!

Последний исход

На русской равнине
Не русские живут.
О русских и в помине
Давно не слышно тут.

Взяв малую толику хлеба,
Что взять на дорогу смогли,
Они всем народам на небо
С хоругвями ушли.

Хотел я стать рабочим,
Рабочим, рабочим.
Хотел я стать рабочим
И стихи слагать.

*В свободное от работы
время.*

И вот я стал рабочим,
Рабочим, рабочим
А это, между прочим,
Почётно было стать.
*В советское время
социализма.*

Геолог – это здорово,
Здорово, здорово.
Нефтяник – тоже здорово,
И я во славу их.
Слагал стихи задорные,
Задорные, задорные,
Слагал стихи задорные,
О тех и о других.
*Как о товарищах по жизни
и труду.*

А если б стал начальником,
Начальником, начальником,
А если б стал начальником,
Начальником таким.
Не могу и представить.

То жил бы беспечальником,
Конечно, беспечальником,
Хоть утюгом, хоть чайником,
Но совсем другим.
*И это было бы
воистину здорово,
в нашу-то эпоху капитализма.*

Есть на земле такой народ,
Ему везде живётся,
И беспокойный этот род
Геологом зовётся.

Он ходит – бродит по стране
И ставит буровые,
Всё ищет в тёмной глубине
Озёра нефтяные.

И где геологи пройдут
Через тайгу и воды,
Там города тот час встают
И строятся заводы.

Таков наш труд, мы так живем,
И даже интересней,
Мы дружим с ветром и костром,
Гитарою и песней.

Когда поём мы у костра.
Открыв сердца как двери,
Готовы слушать до утра
И звёздочки, и звери.

А небо лишь едва-едва
Зори коснётся пламя,
Нас просят песенок слова
Переписать на память.

И от того сейчас уже
Мы их повсюду слышим,
И коль они вам по душе,
Хотите, перепишем.

Вход Господень в Иерусалим

Едет Господь на ослике
В город Иерусалим.
И все двенадцать апостолов
Туда идут вместе с ним.

Он знает, что будет там предан,
Осмеян, побит и распят.
А люди в неведенье этом,
На них в восхищенье глядят.

Неправедный суд совершился,
Терновый венец надет,
И во земном страдании
Он был на кресте воздет.

По смерти друзья его сняли
И положили во гроб,
И камень тяжёлый надвинули
От зверей сохранился чтоб.

И в третий день по писаниям
Тот камень ангел отверз
И пришедшие в страхе увидели,
Что нет его там, исчез.

Он же явился апостолам
Сомнения их погасить...
Позже вознёсся на небо
О нас, маловерных, просить.

Воля

Нам свобода до рожна,
Что с ней? Целоваться!
Воля! Воля нам нужна.
Волюшку бы, братцы!

Чтобы, чтобы, чтобы бы...
Всё, что обещали,
Чтобы у не наших лбы,
Как орех, трещали.

Чтобы всё, что захотим,
Тут же совершалось,
Остальное – отдадим,
Чтобы не мешалось.

Вот такая нам нужна
Эта воля, братцы,
А иначе, а ина...
И не стоит браться.

Песня

Над нами флаг родной Российской реет.
Над нами солнце Родины встаёт.
И наш Сургут растёт и хорошеет,
И воды Обь могучая несёт.

Препев:

Россия!.. Россия!..
Нет тебя в мире красивей.
От моря до моря,
От края до края
Ты нашему сердцу – родная.

Вам каждый житель с гордостью ответит,
Своей любви к Сибири не тая,
Что нет другой такой земли на свете,
Как древняя Югорская земля.

Препев:

Ты и щедра, и в щедрости богата,
И нам навеки с детства дорога –
Твои восходы и твои закаты,
Твои дожди и все твои снега.

Припев:

Мы труд нефтяников и чтим и привечаем,
И вновь и вновь открытий славных ждём.
И матушкой тебя мы величаем,
И наши песни о тебе поём.

Припев:

Россия!.. Россия!..
Нет тебя в мире красивей.
От моря до моря,
От края до края
Ты нашему сердцу – родная.

Дивный край

Есть у России поля и леса,
Горы, что держат над ней небеса.
Есть у России и вольная ширь –
В песнях воспетая наша Сибирь.

В этом краю от столиц вдалеке
Город стоит на могучей реке.
В городе славные люди живут
И называют свой город Сургут.
Наш город – Сургут.

Припев:

Наш Сургут
Берегут
Те, кто вложил в него Веру и Труд.
Кто сквозь века
Честь хранил казака
И утверждал град Сургут.

Здесь, в самом сердце Югорской земли,
Мы свое счастье с тобою нашли.
И, как святыню, заветы храня,
Рядом по жизни идут сыновья.

Волга. Урал. Ангара. Енисей.
Мы от России. От Родины всей.
Край обживаляем и любим свой труд
И прославляем наш город Сургут.
Наш город – Сургут.

Препев:

Дивный край,
Расцветай!
Взор величавый в века устремляй!
Недра Югры
Нам открыли дары.
Родина! Их принимай!

Славься Россия – великая наша держава.
Славься Сибирь – ты России святая оправа.
Славься Югра – ты для нас стала нашей судьбою.
Славься Сургут - мы навек сроднились с тобою.
Славься Сургут!

Фотография

Солдатик маленький в шинельке с трёхлинейкой.
Бежит за Родину в безвестие пропасть.

Проза

Лариска

Лариса вышла из автобуса на остановке «Парк металлургов».

Погода стояла хорошая, солнечная, предосенняя. Все деревья парка, как бы стесняясь, начали примерять свои новые наряды, кроме сосен, кедр и пихт, которые по-прежнему остались невозмутимы и торжественны.

И Лариса решила немножечко погулять по парку прежде чем отправиться домой.

В павильоне остановки было всего несколько человек, а справа павильона она увидела собаку нежного жёлто-коричневого окраса, чистую и ухоженную, по всему было видно, что собака домашняя, хозяйская.

Лариса непроизвольно подошла к ней, погладила её, присела на корточки и легонько потрепала за ушки:

– Хорошая собачка, хорошая, ты чья? Как тебя зовут? Ой, да у тебя же совсем нет одной ножки.

У собаки была приятная, осмысленная мордочка, и Лариса подумала, что она всё понимает.

– Ладно, жди своих хозяев, а я пошла.

И она пошла в парк. Сделала несколько шагов и почувствовала, что собака неотступно идёт за ней. Она обернулась:

– Собачка, я не твоя хозяйка, знаешь у нас мама какая, попадёт и тебе и мне.

Погуляла уже вместе с собакой по парку и снова подошла к остановке в надежде, что там всё-таки находится её хозяин. Постояла немного, но никто не подошёл, не позвал собаку.

– Ну что ж, – сказала Лариса, – в крайнем случае будешь жить у нас во дворе.

– Это что ещё за чудо такое? – спросила мама Ларису, когда она вошла в квартиру, – ну, дорогая моя, я, право, не знаю. Где ты её подобрала такую... безногую?

– Мам, – ответила Лариса, – она сама, я её только погладила. Она была на нашей остановке совсем одна.

– Ну, вот, погладила, а теперь и заботься о ней. Ты подумала, что скажем папе?

— Мам, если ты согласна, папу мы упросим. Смотри, какая собачка хорошая. Пусть пока поживёт у нас. Поместим объявление, если хозяин найдётся, мы отдадим. Вон у Таньки через подъезд и кошка есть и собачка маленькая, а у нас совсем никого.

— Ладно, ладно, — ответила мама Ларисы, — но чтобы это никак не отразилось на твоей учёбе, договорились?

— Договорились, мамочка, — ответила Лариса, и стала звонить подружке, что у них теперь тоже есть собака и можно будет пойти и погулять, только она покормит её и тогда.

Как была рада Танькина собачонка по кличке Муха, похожая на большой клубок пушистой шерсти с ушками, с ножками, и маленьким хвостиком.

Она крутилась и вертелась перед Ларискиной собакой, отбегала и снова подбегала, вызывая ту на догоняшки, лаяла, визжала, и жужжалась как самая настоящая муха, подпрыгивала к самому её носу, стараясь лизнуть, просто была готова выпрыгнуть из себя самой от радости, что у неё появилась такая подружка.

Папа приехал с последним вахтовым автобусом, была на заводе небольшая заминка при пересдаче смен.

— О, да у нас пополнение! — сказал он, погладив собаку, — ладно, я сейчас сполосну руки и попью чайку.

Когда они сидели за столом, собака подошла, присела и стала смотреть то на папу Ларисы, то на маму Ларисы, а то и на саму Ларису.

— Лара, как ты назвала свою собачку, — спросил папа.

— Пока ещё не решила, — ответила Лариса.

— Покормила?

— Конечно, покормила, — ответила она.

— М-да, — ответил папа, — а как обычно называют собак... дамок: Сильва, Альфа, Жучка? Ну, Жучка, конечно, ей не подходит. А знаете что, — сказал он после некоторого раздумья, — давайте назовём её Лариской. Лара, как ты на это смотришь?

— Ну, ты тоже, — возразила мама Ларисы, — у нас и так есть своя Лариса, зачем нам ещё.

— Лара, а ты? Не обиделась! — спросил папа.

— Да нет, не обиделась, я согласна, — сказала Лариса, — пусть

будет Лариска, она хорошая.

— Лариска! — пойдём-ка на место, — сказала Лара, стараясь придать своему голосу интонацию мамы.

— Пусть живёт, — сказал пapa Ларисы, когда Лара увела свою Лариску в прихожку на отведённое ой место.

— Пусть живёт, — согласилась мама Ларисы, — чего теперь.

Лариска была послушной собакой. Она лишний раз на глаза не лезла, и не мешалась под ногами, в общем, признала и приняла и новый дом и новых хозяев.

Часто созвонившись девочки выходили со своими собаками во двор и гуляли с ними. Муха уже не как прежде вертелась возле Лариски, но по прежнему оставалась маленькой неутомимой непоседкой. Лариска привыкла ко всему новому настолько, что зимой её просто выпускали на улицу, где она могла походить по двору с ребятами из её подъезда, если они не были на занятиях, а то просто ложилась на снег возле крыльца и лежала, ожидая, когда её позовут домой.

Проходя около их подъезда, не зная почему, я звал её: Лариска! Лариска! Она поворачивала голову в мою сторону и у неё было такое выражение, будто она хотела улыбнуться или что-то сказать.

Лариска никогда не лаяла и не рычала, даже и тихонько не подавала голоса. К весне она перестала появляться на улице. Возможно, нашлись её прежние хозяева.

Возможно, теперешние хозяева приобрели новую квартиру и переехали.

И жаль было как-то, что этой симпатичной собаки я уже никогда не видел.

Когда по нашим улицам бегали трамваи

Девочка Таня, ученица 2«А» класса, вся в слезах пришла домой и расплакалась ещё пуще. Её мама Наталья Дмитриевна работница отдела технического контроля (ОТК) завода, название которого я умолчу, была дома, у ней был обеденный перерыв и она готовила обед для себя и дочери. Они жили вдвоём без папы – так получилось.

Увидев Таню заплаканной, она подошла к ней, обняла её и прижала к себе: – Что с тобой, доченька, – спросила она, – тройку получила, да, ну и ничего страшного, до окончания четверти ещё не близко, исправишь.

– Нет, мамочка, не тройку, – серьёзно ответила Таня, обидевшись, что мама подумала, будто она получила тройку. Ведь Таня была твёрдой хорошисткой, почти отличницей, – меня тётя контролёр оштрафовала.

– Вот как! – Удивилась Наталья Дмитриевна, – ладно, Таня, я сейчас спешу на работу, а ты поешь и убери со стола, вечером я приду и ты мне всё расскажешь.

И Наталья Дмитриевна ушла.

Вечером они вместе поужинали, попили чаю, и вот что Таня рассказала:

Мама, я после уроков как обычно села в наш трамвай, – это действительно был их трамвай, потому что он ходил по их улице рядом с их домом и остановка его была совсем близко.

Тогда в наших трамваях были такие кассовые аппараты с прорезью для опускания монет и круглой ручкой, которую нужно было покрутить на длину билета и оторвать его. Таня никогда не забывала, что войдя в трамвай, надо до следующей остановки приобрести билет.

Это было время, когда страна делала ставку на совесть и честность советского человека.

– Я оторвала билет, села на свободное место и не заметила, как

ко мне подошла большая собака. Она понюхала мою руку, лизнула её и мой билет оказался у неё во рту. Через какое-то время вошла тётя контролёр и стала проверять билеты. Когда она спросила у меня, я сказала, что его съела собака.

— Какая собака, девочка, — удивилась тётя, — здесь нет никакой собаки.

И правда, я посмотрела, а собаки уже не было. Я пробовала объяснить, что у меня действительно был билет, но она не поверила и сказала, что мне надо заплатить штраф.

Я думала, что люди, которые видели как я брала билет, подтвердят, но никто не подтвердил. И мне пришлось отдать все твои деньги, которые ты мне давала, я их так берегла. И Таня снова начала потихоньку всхлипывать.

— Ничего, Таня, не расстраивайся, не плачь, вот получу на заводе зарплату и обязательно тебе дам.

Наталья Дмитриевна никогда не проверяла у Тани домашнее задание, только когда Таня сама попросит.

В их комнате на стене около двери висел репродуктор, были такие из плотной бумаги тарелки, которые подключались к розетке радиосети. В этот раз из него начали литься удивительные неаполитанские песни.

Когда песни закончились, диктор сказал, что их исполнял итальянский мальчик Робертино Лоретти, что у него в данное время ломается голос и он находится под наблюдением врачей в ФРГ — Федеративная Республика Германия, тогда у них была ещё и ГДР — Германская Демократическая Республика.

А потом он приедет к нам.

Какой это был голос! Как это было удивительно, что всё время они сидели, слушали, и молчали.

— Да, — сказала Наталья Дмитриевна немного погодя, — у маленькой птички всегда такой чистый и звонкий голос!

И сама удивилась сказанному.

Маша и Медведь

Как выйдете из Москвы и свернёте за угол, так сразу увидите деревню, не совсем ухоженную, но не совсем чтобы заброшенную, обыкновенную, русскую.

А населяют её, верней, обитают в ней несколько бабушек, и совсем—совсем несколько дедушек.

Одной из сельчанок, избушка которой ближе других к лесу, приснился какой-то странный сон, будто она в отчаянии пошла в лес с намерением, что её там непременно должен съесть медведь, и тогда все её страсти—напасти тотчас кончатся раз и навсегда.

Вот пришла она в лес, в самую чащу, села под дубом, нет — села она под берёзой, берёза, она всё—таки тоже женщина, она и поймёт и пожалеет. А дуб, он и есть дуб бесчувственный.

Вот сидит она, сидит и, не заметила как задремала, и тут подходит медведь.

— Здравствуй, Машенька, — говорит он, — ты что это одна пришла в лес в такую пору, сейчас ничего хорошего здесь не найти.

Маша подняла на него глаза и нисколько не испугалась.

— Я, Миша, — говорит, — ничего не ищу, я знала что тебя встречу, и вот — ты. Я хочу, Михаил Иванович, чтобы ты меня съел. Я устала, я так устала от всего, что просто сил моих никаких нет.

— Что ты говоришь, Машенька, — сказал медведь, и закрыл своё лицо обеими руками, то есть лапами, — я никогда людей не ел и не ем, и не буду есть, я им ничего плохого не сделал, и они мне ничего плохого не делают. Нет, Машенька, тебя я есть не буду, ведь я тебя помню ещё совсем маленькой, вот такой, — он поднял над землёй лапу на высоту двух вершков.

Я не знаю, ты помнишь или нет, а я помню как однажды тебя напугал, ты почему—то одна пошла за малиной.

Возле вашей деревни, почти рядом с домами, рос малинник с такой крупной и вкусной—превкусной малиной, что просто не оторваться. В тот день и мне захотелось поесть этой малины. Там мы и встретились в первый раз почти лицом к лицу. От неожиданности ты так испугалась, что даже не смогла закричать, уронила ведёрко и понеслась домой во весь дух.

– Да-а... а малину твою я всё-таки съел, не удержался, прости меня.

– Прощаю, прощаю, Миша, ведь это было так давно, тогда ты и сам был маленьkim.

– Зато я помню, – сказал, улыбаясь, медведь, когда ты с подружками пришли в этот малинник в другой раз и ты увидала своё ведёрко, правда, без малины, но совсем целёхонькое, так обрадовалась, что я сам за тебя порадовался. Вы стали собирать, а я потихоньку ушёл в другой малинник, чтобы вам на глаза не попасться.

А где твои, почему ты одна, может, дома заняты? – спросил медведь.

– Нет, Миша, нет, мои все разъехались, я одна, жаль мне оставлять мою деревню, куда я, и возраст уже не тот.

– Да, – сказал медведь и почесал лапой свой затылок...

– Да, – сказал он снова после некоторого молчания и снова в задумчивости почесал затылок. Мои вот разбрелись по лесу кто куда, один даже в зоопарк попал, может, там и хорошо, но я туда не хочу, здесь я дома, мужики меня не донимают, живем мирно.

– Правда, Миша, правда, все наши ходят в лес безбоязненно, – сказала Маша, – ни кур, ни поросёнок, ни собачек никто не трогает.

Но сегодня, ради такой встречи, ради нашей дружбы, Миши, Михаил Иванович. А?..

– Нет, Машенька, нет, не смогу я, – умоляюще промолвил медведь.

– Какая я Машенька, – почти плача прошептала Маша, – я давно самая настоящая баба Машка, а то и просто – бабка.

– Пусть для кого-то ты и бабка, а для меня всё равно Маша, Машенька. И не говори мне больше об этом, и вообще выбрось такое из головы, не огорчай меня.

Вот и снежок пошёл, первый, через месяц ляжет основательно, надо берлогу подновить к зиме, травы натаскать, листвьев наскрепсти.

И ты домик свой поправь, печку там, окна, дров припаси.

Медведь обнял Машу за плечи и поднял.

— Не сиди на земле долго, земля может все силы забрать.
— А в самом деле — холодаает, — подумала Маша.
И наша Машенька, Мария Петровна проснулась.
Было утро. Изба почти простыла. Потрогала печь — холодная,
забыла выюшку закрыть на ночь.
Тут она вспомнила сон и вздохнула — приснится же!

**Поэт и муз
Союз Советских Социалистических Республик СССР
Годы развитого социализма**

Город N типичный областной город Западной Сибири и, пожалуй, всего Советского Союза. Главная площадь – площадь Ленина, главная улица – проспект Ленина. Есть там и все то, что характеризует областной центр: Филармония, Драмтеатр, Театр юного зрителя. Университеты: гуманитарный, технический, институты, техникумы, училища (колледжи), кстати, и музыкальный колледж имени известного музыканта и композитора то же есть, ну и т. д.

Преподаватели музыкального колледжа однажды решили провести встречу с местными городскими поэтами.

Поскольку известные и признанные в городе поэты по каким-то причинам посчитали невозможным быть, они откомандировали довольно молодого поэта, по их мнению, подающего надежды. Он, волнуясь и трепеща, явился заблаговременно к колледжу, остановился на противоположной стороне улицы (проспекта) так, чтобы хорошо был виден подъезд. В который раз мысленно прочитал стихи что подготовил, проверил закладки, и посмотрел на часы – осталось десять минут, надо идти.

Он перебежал улицу (проспект) и с небывалым волнением вошел в подъезд.

В фойе стояли несколько студенток, они на него, даже, не посмотрели. На первом этаже находилась раздевалка, она не работала, поскольку стояла ранняя осень, нарядная и теплая. На второй этаж вела широкая лестница белого мрамора.

– Жили же сибирские купцы-миллионщики, – непроизвольно подумал он. Справа в метрах двух-трех от лестницы за столом сидела дежурная преподаватель. Он подошел к ней и представился, что он такой-то, что больше никого не будет, что все заняты и прошли их извинить.

– Хорошо, – сказала дежурная, пойдемте на верх, там вас уже ждут.

Она оставила за себя одну из студенток, и они поднялись. Зал был небольшой, но почти полный, в некоторой его глубине на-

ходился белый рояль. Аудитория состояла из одних студенток и это его как–то успокоило. Они посмотрели на него снисходительно, но с некоторым интересом, что, мол, это за поэт, совсем не похожий на человека, который может что–то сочинять и, даже, в рифму.

Преподаватель постучала своей дирижерской палочкой по ладошке левой руки, требуя внимания, и представила поэта. Поэт поднялся и сказал совсем слабым голосом, – «Здравствуйте!»

– Здравствуйте! Здравствуйте! – посыпались в ответ негромкие улыбчивые девичьи голоса. Он постоял некоторое время в раздумье, не зная с чего начать. Дежурная успокоила его, чтобы он не волновался, немного рассказал о себе, а после почитал стихи.

Поэт приободрился и уверенней посмотрел в зал.

– Вы знаете, – начал он, – у меня в жизни ничего особенного не случалось: детсад, школа, армия, институт, теперь вот работаю на буровой помбуром, набираюсь опыта, а стихи, они как–то приходят сами собой. Я прочитаю вам несколько стихотворений из этой книжки. Потом оставлю ее вам, может, кто захочет почитать.

Он приподнял книжку, чтобы все могли увидеть, и открыл на первой закладке.

*Я хожу по буровой
С непокрытой головой.
Солнце знатно притекает,
Скоро лето, бог ты мой!*

*Скоро лето. Скоро лето.
Это значит, это, это
Я поеду в город Томск,
Прилечу на самолёте
И в деревню сразу, к тёте,
К остальной родне потом...*

Когда он дочитал, то понял, что такие стихи девушкам не очень интересны. Он пролистал несколько закладок из этого цикла и остановился на небольшой подборке.

Подборка называлась «Любовь–Любовь».

— Вот стихотворение, оно сложилось по окончанию школы, когда я намеревался уехать на одну из больших ударных комсомольских строек, тогда по нашей реке еще ходили пароходы...

*По какой неведомой мне силе
Ты пришла, стоишь вот у причала,
Ты ж мне ничего не говорила,
Ты ж мне ничего не обещала.*

*Я и сам тебе при нашей встрече
Ничего такого не поведал,
Просто я сказал, что в этот вечер
Навсегда из города уеду.*

*Без печали я смотрю, без боли
На тебя своим мальчишним взглядом.
Просто мы учились в одной школе,
Просто жили мы с тобою рядом.*

*Пароход отходит от причала,
Словно птица крыльями бушуй.
Что-то сердце громко застучало —
Веришь, жди, уж скоро напишу я.*

Зал не то чтобы отозвался бурными аплодисментами, но благодарными. И поэт понял что все будет хорошо.

Далее взгляд его остановился на стихотворении

*В гулких переходах коридоров
Отзвенели все мои звонки...
Однако читать его не стал, слишком оно личное.
— А вот написанное почти сразу после армии, — сказал он.
Не опускай свои ресницы,
Не опускай. Не опускай.
Пусть целый мир на них дивится,
Пускай, пускай. Пускай, пускай.*

*Пусть каждый, встретившись с тобою,
И взглянув лишь, и взглянув лишь,
Увидит небо голубое,
А в небе – стриж. А в небе – стриж.*

*И станет день и чист и ясен.
Из века в век. Из века в век.
Как мир хороши как прекрасен
Сам человек. Сам человек.*

Девушки уже веселей похлопали всем залом.

– Да, конечно, это им более понятно, – подумал поэт. Он оглянулся на ведущую, она одобрительно кивнула.

Он прочитал следующее:

*Aх, зачем к нам приходит весна,
Ах, зачем зеленеют сады.
Я хотел о любви рассказать,
Испугался твоей красоты.*

*И куда я теперь не пойду,
Твое имя шепчу я любя,
Неужели себе на беду
В этой жизни я встретил тебя.*

*Пусть на улице дождь проливной,
Я уняться его не молю.
Ты спроси. Ты спроси, что со мной.
Я отвечу, отвечу – Люблю!*

Последнее слово он произнес приглушенно, как бы стесняясь его.

Прочитал еще несколько стихотворений, и в заключении решил прочитать из геологической практики.

*Студенческая гитара, – прочитал он бодро.
Красотой она не блещет
Залы ей не рукоплещут,
Но не плачет на судьбу она свою.*

*У костра и на привалах
Всюду первый запевала,
Запоёт она и все ей подпоют.*

*Дождик скачет по палатке,
А палатка вся в заплатках,
Значит, в ней, как в океане, воды,
Но унынию нет места,
Потому что, как известно,
Выручает нас гитара из беды.*

Дальше я не стану приводить полный текст, оно состоит из целых шести шестистиший, а в общем это стихотворение-песня.

Когда он закончил читать, ведущая поднялась и сказала, что время встречи почти истекло и если у кого есть вопрос – спросите.

Поднялась девушка из средних рядов.

– Скажите пожалуйста, у вас есть семья? – спросила она.
– Да, – ответил поэт, – у меня мама, отец, старший брат, я и младшая сестра.
– Я о вашей семье, лично вашей.
– О моей!? – он посмотрел на ведущую, что она подскажет, что посоветует.

– Что вас вдохновляет писать стихи? – добавила девушка, – ведь у каждого поэта непременно есть музя, которая руководит им.
– Вот у Пушкина и Лермонтова музой была сама Россия, для меня это слишком высоко, – сказал поэт.

– Тогда, знаете что, можно я буду вашей музой?
Он так растерялся, что никак не мог сообразить, что и ответить.
– Наталья, сядь, сядь, твои шутки здесь неуместны, – сказала преподаватель, стараясь вывести поэта из неловкого положения.

– Ольга Анатольевна, – ответила Наташа, – я нисколечко не шучу. Правда, товарищ поэт, можно я буду вашей музой? Вы будете писать стихи, а я когда выучусь на композитора, буду перекладывать их на музыку. Ольга Анатольевна мне поможет, ведь еще целых два курса.

– Наташа, ты можешь стать композитором, песенником, – уточнила Наташа.

нила преподаватель, – а вот Чайковским не станешь, прости меня.

– Вы правы, Ольга Анатольевна, Чайковским я не стану, ведь я всего-то Чайкина.

– Так вы согласны, товарищ поэт, – обратилась она к нашему поэту.

Поэт покосился на преподавателя и вздохнул.

– Ага, молчите, а молчание – знак согласия. Девочки, позовите, – она прошла между рядами.

Когда поднялась на сцену, поэт непроизвольно уступил ей место рядом.

– Ну, Наташа, ты просто ух, ух! – сказала преподаватель. Она напомнила, что время, как бы того не хотелось, вышло и только осталось поблагодарить гостя за чудесные минуты встречи с поэзией.

Аудитория стоя от души поапплодировала поэту.

Когда шли к выходу, Наташины подружки подбадривали её:

– Молодец, Наташка! Поздравляем!

Перед тем как выйти на улицу, Наташа взяла поэта под руку:

– Товарищ поэт, вы уж меня не бросайте.

На улице (проспекте) Наташа обернулась:

– Девочки, мою кровать не занимать. О, видите, товарищ поэт, я уже говорю почти что стихами. Да она была из небольшого районного городка и жила здесь в студенческом общежитии.

Поэт находился в душевном стеснении и молчал.

– Вы знаете, мне особенно понравилось стихотворение, где о ресницах. Мне кажется, оно похоже на романс. Вы мне его спишите, а то Ольга Анатольевна сможет опередить меня и сама напишет. А у меня есть парочка песенок, таких, школьных.

– Наташа, я не состою в Союзе писателей, у меня всего одна книжечка, а надо, как минимум, две.

– Э-э, не огорчайтесь, будет и две, и больше.

Они шли и разговаривали уже просто как знакомые по главной улице города, проспекту Ленина в свое светлое грядущее.

А грядущее?! Вот оно. Вы сами знаете, что у нас на дворе. Как поется в песенке: «Главней всего – погода в доме».

Деньги нашего детства

Сороковые и пятидесятые годы двадцатого столетия, мы, ребяташки соседних дворов, через улицу, кроме наших обычных мальчишеских игр: Чапаева, сыщиков-разбойников, футбол и т. д., играли ещё и в деньги, в такие, как пристенок, котёл, чику. Какие у нас тогдашних мальчишек могли быть деньги? Мы с моим товарищем собирали всё, что можно было сдать: железяки всякие разные, медную и алюминиевую проволоку, латунные, вышедшие из употребления, вентили, и т.д., но более всего ценились фланкончики из-под одеколона и духов, и чем они были изящней, тем были дороже.

Всё это мы складывали в укромном местечке, а когда там что-то образовывалось, шли и сдавали. Недалеко от нас жил китаец Ходя, Коля, наверное, в небольшой деревянной избушке. Если у нас было негабаритное и совсем немного, мы стучали в его оконечко, он открывал и смотрел что у нас, говорил что сколько стоит и платил. А если мы приносili большой кусок ржавой трубы, он открывал ворота, мы заносили, он взвешивал на каких-то своеобразных весах.

У него был даже лист бумаги, на котором были написаны расценки. Так мы зарабатывали наши деньги, это была в основном мелочь: одна копейка, две, три, пятак, они были медными, ещё были десять копеек (десятник), пятнадцать (пятнашка) и двадцать (двадцатник), эти были белыми. На каждую из этих перечисленных денежек можно было хоть что-нибудь да купить. Даже на одну копейку, эту маленькую капельку, давали целый коробок спичек в пятьдесят головок.

О спичках

Сначала наша Томская спичечная фабрика выпускала их с синими головками и мы называли их «синками». С «синками» была проблема с выsekанием огня. Даже о них была поговорка не очень весёлая. Некоторые из наших ребят собирали этикетки с этих коробков, а кто-то и сами коробки. На одних коробках был изобра-

жён аэроплан похожий на самолёт Илья Муромец. На других изображалась половинка заходящего солнца с большими розовыми лучами, а под солнцем было слово СИБИРЬ.

Когда мы ходили на рыбалку, особенно с ночевой, разжигать костёр ребята доверяли мне, у меня это получалось лучше и экономнее. Я перед тем как чиркнуть, тёр спичку о голову, и случалось, на вид совсем безнадёжная спичинка, вдруг загоралась.

Потом их стали выпускать с головками такими как сейчас, и с ними стало повеселее.

Были у нас и царские: полтинники и рубли с профилем Николая Второго. Были и советские полтинники: с рабочим, разбивающим молотом, кажется, цепи рабства, были и с крестьянином-селятелем, он из лукошка разбрасывал семена, вероятно пшеницы. Были и со звездой, и вроде бы с вооружённым красноармейцем, перешедшим потом на орден Красной Звезды.

Эти полтинники и рубли были хороши при игре в пристенок, они отскакивали от стены с каким-то лёгким серебряным, что ли, звоном. Были и екатерининские медные деньги, в которые мы не играли, но их можно было обменять на несколько наших копеек.

Все имеющиеся у нас деньги мы не ценили: выиграли – выиграли, проиграли – проиграли, ну и ладно. Никто из нас тогда не представлял, что придёт время – и они будут иметь какую-то ценность.

У меня, то есть в нашей семье, была одна бумажная купюра в сто рублей – екатерининская с её портретом, очень красивая, хоть в рамку, да на стенку вместо картины. По сравнению с ней нынешние наши бумажные – фантики какие-то невзрачные.

У одного из мальчиков соседнего двора была огромная в форме двояковыпуклой линзы с ушком из чистой меди - сибирская таньга, всё-таки танга, красная-красная, без единого пятнышка окисления, десять копеек, что ли. На обратной стороне танги была решётка или что-то в этом роде, возрастом она была то ли тысяча пятьсот, то ли тысяча шестьсот каких-то годов, точно сказать не могу.

А запомнилась она мне ещё и тем, что я стал виновником её по-

тери. В тот день мы пошли за город, за речку Томь по понтонному мосту на озеро – Боярское – большое, глубокое и чистое. К вечеру до упора накупавшись и назагоравшись, пошли домой. Перешли лужок и вдоль реки по пыльной песчаной дороге возвращаемся, болтая бог весть о чём.

Один мальчик достал эту самую сибирскую тангу, и мы стали её бросать, как бросают биту при игре в чику – кто дальше. Последним был я. Мы подошли к тому месту, где упала танга, её не было видно. Мы немного поворошили пыльный песок, но её не обнаружили и пошли, потому что дело было к вечеру, все были уставшие и всем хотелось есть.

Я намеревался утром пойти и поискать её, но не пошёл. И о танге забыли. Я всегда о ней сожалел, надо было всё-таки пойти и поискать, и вернуть хозяину.

Потом эту дорогу закатали в бетон, и стала она настоящей современной дорогой.

Больше нигде и никогда такой сибирской танги я не встречал.

Несколько возражений по поводу...

Прекрасный полдень сибирского лета.

Ночью гремела гроза, к утру успокоилась, и вот благодать идти умытыми улицами, наслаждаясь солнечными бликами в лужицах.

Возвращаюсь с переговорного пункта, настроение не очень, но и не такое, чтобы огорчаться слишком.

В Москве, в не ахти каком громком издательстве готовиться моя первая небольшая книжечка стихов.

Сказали, что книжка почти готова, осталось найти бумагу. И это в который раз.

В стране идут годы, когда таким как я, разрешили издавать свои произведения на собственные средства.

Вдоль улицы, ее пешеходной стороны, стоят женщины с цветами, продают. Иду, гляжу, вдыхаю ароматы. Одна женщина, у которой просто невообразимо красивые букеты, меня окликает: «Молодой человек, подождите, купите букетик для вашей девушки, смотрите, какие красивые цветы». Я замедляю шаги, смотрю, но не покупаю — дарить некому, жаль. А в голове уже, как будто навсегда, строчка — «Молодой человек, подождите».

Да это же стихи. Первая строка. Надо не забыть. Не забуду. Память еще достаточно цепкая, особенно на стихи. И вот от радостного настроения приходят строки:

Молодой человек, подождите,
Слышен голос, как бы с высоты,
На минутку сюда подойдите,
И для милой букетик купите,
Посмотрите, какие цветы!

Вторая строка мне кажется не совсем, ударение на бы (как бы'), а так, вроде бы, ничего.

И тут я встречаюсь со знакомым, тоже поэтом.

Здороваемся.

— Как дела? — спрашивает.

— Да, что сказать, так себе, — отвечаю.

— Пишешь?

— Помаленьку, изредка.

— А я бросил. Все равно никакого толку. Сходил несколько раз, где мы собирались, никто не приходит, и я перестал ходить. Надеяться не на что.

— Да и я, признаться, в таком же положении, никого из наших уже давно не встречал. Такое время. Такие дела.

— Не думаешь уезжать?

— Нет, мне некуда, да и не к кому. Отца не помню совсем. Мама! Мамы, не стало прошлой весной. Брат и сестры маются в своих квартирках, так что я здесь надолго, да и работа.

— Я уеду. Не решил, но уже. Мои родители живут на юге области. Свой дом, участок. Пока остановлюсь у них, а там видно будет. И мы попрощались.

Признаться, что у меня готовится в самой Москве книжечка стихов, не стал, зачем огорчать человека. Притом, готовится-то она за мой счет, для этого пришлось продать часть акций «Сургутнефтегаза», позже расстался и с остальными.

Пока дошёл до своего рабочего общежития, где у меня койко-место, окончательно сложился и стишок о букетике цветов:

Да, цветы ваши просто на диво,
Изумительны, что говорить,
Будет девушка чья-то счастлива
И к груди прижимать горделиво,
Жаль, что некому мне подарить.
Не очень бодрое окончание, но что делать, это правда.

Когда-то, уже не помню когда, сестра переслала мне письмо моего давнишнего товарища, с которым мы начинали свой путь к стихам. Тогда я после армии поступил в институт на первый курс геологоразведочного факультета.

Он работал на заводе. Позже, окончит строительный техникум и уедет на Дальний Восток по распределению.

В городской молодежной газете помещали объявление, что такого-то числа в помещении редакции во сколько-то часов состоится собрание любителей поэзии, приглашаются все желающие.

Он заходил за мной, и мы вместе шли. Конечно, поэтами мы были никакими, и к тому же, страшно стеснительными, скорее всего от того, что в стихах оба ни бум-бум. А приходили ребята из университета начитанные, эрудированные, они громили в прямом смысле любого и друг друга, ого-го как. Мы восхищались, но сидели тихо, боясь, вдруг спросят. Может быть и прав Маяковский, сказав: «Надо, чтоб поэт и в жизни был мастак!»

Только-только от посещения этих занятий и от чтения всего, что касалось стихосложения, мы стали немного соображать в этом деле, как грянула перестройка, и пошло-поехало, всё закрывалось, продавалось-покупалось, крушилось и крашилось, творился полный разгул...

И только благодаря Божьей милости, страна как-то сохранилась. И вот после многих и многих лет мне попадается на глаза каким-то образом сохранившееся его письмо. Привожу не всё целиком, а самую суть.

«Милый ты мой человек. Спасибо за письмо, за стих. Стих далеко не лучший из твоих стихов – не помню, что ему посыпал – ужасно не люблю читать стихи в рукописях. Стихи – это трудная штука. К чёрту их, к чёрту! Надо жить легче. Жить надо лишь для себя, для своих детей, а если пишется, то и писать для себя. Нам не выбиться. Брось, брось. Пишуших много и любая газета нас не согреет. Допустим, сборник родится, но на поэзию мы не проживем.

Нет, с меня хватит...»

Дальше идут его советы по жизни. Давно мы не переписывались, и его телефона у меня нет.

Дай, жизнь, ему всего, что он хотел.

Небольшое письмо от очень хорошего человека, прошедшего войну, закончившего педагогический институт, и преподающего в школе в старших классах.

«Дорогой! – тут моё имя и, даже, отчество.

Спасибо за книжки – три книжки, высланные ему через нашего общего знакомого. Прочитал их с удовольствием, их хорошо и легко читать и, признаюсь, преисполнен светлой радостью. Поражаюсь, как могла Усть-Чижапка, с весьма неказистой, в общем-то, природой воспитать такое дарование. Не скромничай, а гордись.

Я и сам рад, что в какой-то мере причастен к нашему васюганскому краю.

Приедешь, обязательно заходи, будем рады».

Его имя и имя его супруги.

Спасибо, огромное спасибо!

Да, стихи – это не Божий поцелуй в макушку, а что-то, что-то, что-то ещё...

Спасибо романсам

Меня пригласили в филармонию на Петра Ильича Чайковского, на его романсы. Билет куплен и мне его передадут, только обязательно быть минут за пятнадцать

до начала. Что ж, надо идти, коли пригласили, к тому же я люблю романсы, особенно старинные русские.

Сдал пуховичок, принял билет, стою, осматриваюсь увидеть знакомы лица, не вижу, как-то даже неудобно стоять одиноко среди множества народа.

Вот кто-то подходит, сзади обнимает за плечи: Здравствуй, дорогой дядя Коля. Как тебе живётся? Оглядываюсь, да это же моя давняя знакомая, когда то она пыталась научить меня компьютерной премудрости. К моему величайшему огорчению я эту самую премудрость так и не освоил. В то время мне было очень и даже очень-очень не комфортно, мягко говоря. Ну да ладно.

Незадолго до всенародной компьютеризации мне удалось приобрести печатную машинку и я мало-мало приспособился на ней печатать, но прежде стихи писал от руки в общей тетради с последней страницы наперёд ещё по институтской привычки, на первых страницах писал лекции. В то время тетради, особенно общие, были в большом дефиците, а о компьютерах только ещё велись разговоры. Теперь компьютеры всюду и на работе и в квартирах и везде, а машинки отправились, в лучшем случае, в музей.

– Не особо весело, – отвечаю, – похвастаться вроде бы нечем.
– А книжки!

– Книжки? Может быть, но утешение не ахти какое.
– Э-э-э, не прибедняйся, я твои книжки, особенно которые для детей, использую в своей семье с целью воспитания.

Ты знаешь, у меня две дочери и у каждой по девочке, видать, обе в меня, у старшей – два годика, у младшей – годик. Старшая дочь с семьёй живет отдельно, а младшая со своей пока у меня. Часто мы собираемся вместе. Иногда дочери оставляют своих малышей на меня, а у меня и своих дел бывает хоть отбавляй, приходится время от времени брать работу на дом.

Я внуchkам сварю кашку, накормлю их, уложу, беру твою книжку которая с особенно яркими картинками, прочитаю парочку стихотворений, отдаю старшей и говорю: читай дальше вот отсюда. Она берёт и, важная такая, что ей доверили, начинает ЧИТАТЬ, а младшая – вся внимание, слушает в восхищении – вот какая у неё сестра умная!

И они заняты и у меня есть время для себя. Бывает, слышу замолчала – уснули, а бывает наоборот через какое-то время зовёт, чтобы я принесла ещё и другую.

Так что поздравляю – твои книжки даже двухлетние дети читают.

К нам подошла её сослуживица и сказала, что пора идти в зал, потихоньку и я последовал за ними.

Вечер прошёл великолепно. На последнем романсе зал поднялся и аплодировал стоя.

Надо подумать...

Осень. Дождь. Работаю на буровой.

Заняты установкой на устье кондуктора противовыбросового оборудования, т. е. превентера.

Ночь.

Дневная вахта кондуктор пробурила, спустила трубы, зацементировала, а нам, ночной вахте, досталось оборудовать устье. Для этого на кондуктор наворачиваем патрубок, на патрубок фланец, на фланец и сам превентер установить надо.

Резьбовые соединения метрические, с маху не получается, надо аккуратно, не спеша.

Под буровой сырьё, освещение слабое, поэтому всё делаем почти на ощупь.

И тут слышу будто какая-то железяка грохнулась на ротор.

Что за железяка, неужели с кран-балки свалилась? Надо пойти, посмотреть, мало ли что.

Поднимаюсь, смотрю: На столе ротора лежит небольшая утка, чирок. В этой осенней промозглой мгле его привлекли габаритные огни буровой. Вот и натолкнулся.

Почему я об этом говорю? Да потому, что однажды в отпуске на юге Западной Сибири в начале осени, или самой осенью я утром возле огромного торгового центра увидел лежащую на земле синицу. Подумал, что она может быть склевала что-нибудь не то, а птицы, уверен, что-нибудь не то клевать не станут.

А спустя несколько дней, почти на том-же самом месте, увидел зимородка, симпатичную птичку, отличного рыболова.

И как тут было мне не вспомнить, что несколько лет тому, я приехал в эти, дорогие мне места, и пошёл узнать как с черёмухой. В детстве вдоль реки и её проток росло множество черёмухи. Весной они просто утопали в белой кипени цветов, а к концу лета на них было столько ягоды, что местные жители называли – рясно, и запасались вёдрами.

Ах, эти пирожки с черёмухой!

В тот год ягоды не было совсем, ни одной ягодки, и я пошёл к

реке ополоснуть лицо и руки. Подошёл, присел на корточки, ополоснулся и моё внимание привлекла маленькая птичка — зимородок, сидящая на бугорке возле воды. На меня она не обратила никакого внимания, хотя присел от неё в метрах трёх, от силы, пяти.

Я присмирел, думая, что она станет делать. Так прошло несколько минут. Вот она бесшумно, как стрелка, вонзилась в воду и появилась из неё с рыбкой во рту, т. е. в клюве, и улетела в прибрежный кустарник, должно быть, кормить свои деток. Тот торговый центр был облицован каким-то голубоватым материалом, похожим на стекло. К осени птицы начинают перелетать, одни поближе к местам, где привыкли проводить зиму, другим — это привычный путь перелёта, и бьются о такие конструкции, принимая их за открытое пространство. Неужели нам с нашими-то расстояниями необходимо возводить эти высотки — скребки неба — небоскрёбы, чтобы кому-то доказать или что-то другое?

Надо подумать!..

Золотой ключик

В далёкие, далёкие-предалёкие времена, конца сороковых годов двадцатого столетия, я воспитывался в Усть-Чижапском детском доме, что находился на реке Васюган в устье реки Чижапки, на самом севере Томской области. Деревня по деревенским меркам была большая. Кроме детского дома, была семилетняя школа, красивая, о двух этажах. Был колхоз, сельский совет, почта, участковый милиционер, пекарня, и, конечно, клуб. Клуб основную часть времени был на замке, а по приезду кинопередвижки – открывался. На сеанс клуб набивался до отказа, люди сидели на скамейках, на полу, стояли у стен. Это для деревенских был настоящий праздник. И нас, детдомовцев, тоже организованно водили. Помню трофейные фильмы: «Тарзан», «Королевские пираты», из наших – черно-белый немой фильм «Пугачев». Особенно нам, детдомовским ребятишкам, понравился мультфильм «Золотой ключик», который мы потом рассказывали и пересказывали друг другу.

Позже, уже основательно повзрослевшим, я снова посмотрел «Золотой ключик» по телевидению. Он был тот же, и всё же не тот. Из него убрали, по мне, самый главный эпизод. Это когда Буратино со своими друзьями, спасаясь от Карабаса-Барабаса, в каморке папы Карло, пропахшей стружками и столярным kleem, отодвинули от стены полотно, на котором был нарисован очаг, и за ним оказалась дверь, и золотой ключик как раз подошёл к её замку и дверь открылась, и пошли кадры: Москва, Кремль, Спасская башня. И все это освещалось яркими расходящимися лучами солнца, звучала музыка и пелись слова:

*Далёко, далёко за морем
Стоит золотая стена.
В стене твой заветная дверца,
За дверцей большая страна!*

И все во главе с Буратино пустились в пляс. Как это было величественно, как торжественно, что мне, маленькому мальчику, вселялась в душу неимоверная светлая радость – гордость, и не-

вольно на глаза набегали слёзы от предчувствия пусть не скорого, но так возможного счастья.

Что поделаешь, другое время, другие люди, и дети другие, и страна совсем другая. Всё другое. Прошла основательная смена поколений и их идеалов. Естественный процесс.

Должно быть, наверху очень бдительные дяденьки в словах:

Далёко-далёко за морем

Стоит золотая стена и т. д.

Усмотрели что-то такое, что наш советский народ, уже перестроечный, не должен знать и даже подумать не мог, что-то неугодное этим дяденькам, и убрали, на всякий случай, чтобы не смущать народ, как говорится, от греха подальше.

«Золотой ключик» – тот самый, лучший мультфильм моего советского детства.

Не так давно закончилась война, и все мы жили тогда в предчувствии скорых ожидаемых радостных перемен.

Содержание

Стихи и проза

Восход	4
В детском лагере	5
Яки и бяки	6
В месяце марте	7
Весенняя музыка	8
В парке	9
Май	10
Скорей, скорей вставай с постели	11
Весеннее	12
Рабочая семья	13
Манная каша	14
Не плачь, малыш	15
Березка	16
В нашей спальне всё в порядке	17
Кто печет для нас блины	18
Дождик	19
Счастливый мальчик	20
Голубок и котик	21
Лужи	22
Соседи	23
Ночное	24
Пилю сосновую доску	26
Осенние стихи	28
Позевота	30
Ёлочка	31
Зимнее утро	32
Предновогоднее	33
Речка Бурундук	34
Начало года	36

Февраль снега протёр на тёрке	37
Видно так повелось уж исстари	38
С песнями и смехами	39
Таёжный ручей	40
Когда мне стало плохо	41
Нипочём не отгадать мне масти	42
Юлии	43
С добрым утром, бабушки	44
Плачет Маша	45
Сентябрьский ветер	47
Ручейки весенние	48
Выпускное	49
Просыпаюсь в лесной избушке	50
Сторона родная	51
Тучка	52
Люблю любое время года	53
Ветер провода перебирает	54
Наша Маша что-то плачет	55
Нравы	56
Елене	57
Отпуск	58
Шутка	59
В минуты мутных мыслей	60
Хочу слугой народа стать	61
Пришла беда	62
Привет поэтам	63
Моление русского народа народам цивилизованных стран	64
Не могу расстаться с прошлым	65
Щегол	66
Полустанки	67
Зов цветов	69
Идеал жизни	70

Украина – це Европа	71
Одуванчики наш город украшают	72
Возрастное	73
Если был я поумней	74
Когда я учился в школе	75
Страна Россия	76
Был я молод	77
Листья осенние	78
Перестройка	79
Каждый, забежавший на Север	80
Родина родная	82
Экономические форумы в С-П	83
Товарищи!	84
Почему живу я плохо?!	85
Подготовка к выпускным	86
Колечко	87
Кураж	88
Что мне сказать про него	89
Дорожное	90
Романс	91
Россия начало XXI века	92

Проза

Лечебная книга. Сказка	95
Тысяча девятьсот семидесятые	102
Плоды просвещения	104
Дом ребёнка	105
Лагерный сад	107
Бурундучик	109
Ворона	110
Надя	112
Лягуша-Квакуша и Комар-Комарович	113
Самое-самое начало 1990-х годов	115

Виктор, мой двоюродный брат	117
Стихи?!	119
Часть вторая. Стихи и проза	122
Наступает Новый год	123
Сияет над городом звездная высь	124
Ах, морозец, право	125
Оплыла зимняя дорога	126
Пришла пора весенняя	127
Акварелька-1	128
Акварелька-2	129
Собираются тучи-летучи	130
Кукушечка кукует	131
Этюд	132
Настроение	133
Какая польза от пенья птицы?	134
Предчувствие осени	135
Ворона	136
Озябли осины. Продрогли берёзы	137
Плачет осень безутешно	138
«Взвейтесь кострами синие ночи...»	139
«Поэт в России больше чем поэт»	140
«Вот когда, вот тогда»	141
Башка трещит	142
У нас всё стабильно	143
Заслуженных сверчков социализма	144
Надо людей любить	145
В мире много хороших людей	146
Время. И дети прошедшей войны	147
Другу-поэту на его покупку мне булки белого хлеба. Томск	148
Друзьям – поэтам	149
Жил поэт печальный	150
Я люблю тишину, я люблю, но какую	151
Люблю	152

Шутка	153
Обоянь	154
Рабочим СССР	155
Уходя оглянуться	156
Портрет	157
Партнёры	158
Он и стар. Но он и молод	159
Генетический сон	160
Последний исход	161
Хотел я стать рабочим	162
Есть на земле такой народ	165
Вход Господень в Иерусалим	166
Воля	167
Песня	168
Дивный край	170
Фотография	172

Проза

Лариска	174
Когда по нашим улицам бегали трамваи	177
Маша и Медведь	179
Поэт и муга	182
Деньги нашего детства	188
Несколько возражений по поводу	191
Когда-то, уже не помню когда	193
Небольшое письмо от очень хорошего человека	194
Спасибо романсам	195
Надо подумать	197
Золотой ключик	199

От автора:

*Дорогие читатели, благодарю вас,
что вы нашли время прочитать эту
книжку.*

